РОДНЫЯ МѢСТА

ИЗЪ ОТРЫВОЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

I.

.... Отецъ мой былъ уроженецъ Черниговской губерніи, и я родился почти въ Малороссіи (въ селѣ Грайворонѣ, Курской губерніи); но не тамошнія мѣста привыкъ я считать родными.

Когда мнѣ было года два отъ роду, меня вывезли въ Рязанскую губернію, въ сельцо Михѣево, Егорьевскаго уѣзда. Въ этомъ имѣніи, принадлежавшемъ по семейнымъ нашимъ преданіямъ роду моей матери около трехсотъ лѣтъ, провелъ я все мое дѣтство. Жизнь тихая, безо всякихъ тревогъ, безъ лишнихъ съ чужой стороны развлеченій и впечатлѣній, полная доступность дѣтскому наблюденію простаго быта деревенскаго и сосѣдскаго, преданія и разказы о старыхъ временахъ, о прежнихъ людяхъ, воспитали тамъ меня окончательно, положили прочныя основы моему характеру, который и сохранилъ въ себѣ навсегда черты чисто-русскія... Я не даромъ могу считать имѣніе матери настоящею моею родиной: тамошнія мѣста, рѣчка, озера, поля, луга,—луга особенно мною любимые,—милы мнѣ и теперь чрезвычайно, хотя уже давно ихъ не вижу.

Не веселы мои воспоминанія о родѣ моей матери, нынѣ уже угасшимъ, о близкихъ ей людяхъ; можетъ-быть и совсѣмъ я обойду ихъ въ моихъ запискахъ. Но я хочу разка-

зать съ нѣкоторою подробностью о людяхъ какіе окружали меня или встрѣчались мнѣ тогда, а также и объ окрестныхъ съ моею родиной мѣстностяхъ. Я ничего не забылъ о нихъ. Да и нельзя забыть: здѣшніе люди и мѣста, на которыхъ они живутъ и жили ихъ предки, замѣчательны во многихъ отношеніяхъ.

Начну, прежде всего, съ народонаселенія Егорьевскаго уѣзда; но тутъ придется нѣсколько захватить Коломенскій и Зарайскій уѣзды, потому что наше родовое имѣніе лежитъ на границѣ трехъ этихъ уѣздовъ.

II.

Егорьевскій уѣздъ, самый обширный въ Рязанской губерніи; какое широкое пространство онъ занимаетъ—указывается уже тѣмъ что его ограничиваютъ *восемь* уѣздовъ губерній Рязанской, Московской и Владимірской. Равнина низменная, почти вездѣ безъ холмовъ, разстилается тутъ, и во время моего дѣтства очень густо покрывали ее хвойные лѣса. Черезъ эти мрачные лѣса тянутся малыя, но иногда довольно глубокія рѣки съ вязкимъ, тинистымъ дномъ, съ плоскими, болотистыми берегами. Къ сторонѣ граничащей съ Рязанскимъ и Касимовскимъ уѣздами, гдѣ площадь Егорьевскаго уѣзда особенно низменна, находится много большихъ озеръ соединяющихся посредствомъ протоковъ. Непригляднa, мрачна здѣшняя природа, да и почва чрезвычайно скудна,—вся сплошь песчаная, во многихъ мѣстахъ состоящая изъ сыпучихъ песковъ.

Въ эту сторону, столь бѣдно одаренную производительными средствами, не привлекательную и потому что нигдѣ не оживляютъ ее великія рѣки-кормилицы, только чрезвычайная нужда могла загнать на постоянное житье русскаго человѣка, любящаго широкій просторъ.

Однако Егорьевскій уѣздъ довольно густо населенъ. Во многихъ мѣстахъ, промежъ даже самыхъ густыхъ лѣсовъ, иногда на сыпучихъ пескахъ, деревни расположены въ весьма близкомъ разстояніи одна отъ другой. Надо впрочемъ замѣтить что это деревни небольшія, нерѣдко всего дворовъ въ десять-двадцать, да и вообще въ Егорьевскомъ уѣздѣ нѣтъ ни одного такого селенія какихъ особенно много въ

малороссійскихъ губерніяхъ, какія есть и во всѣхъ прочихъ уѣздахъ губерніи Рязанской. Малый размѣръ здѣшнихъ деревушекъ, расположеніе ихъ во многихъ мѣстахъ кучами, самый видъ избъ и усадьбъ крестьянскихъ,—конечно все это въ связи и съ другими коренными признаками,—достаточно указываетъ откуда родомъ населившій здѣшнія непригляднаго мѣста русскій людъ. Но объ этомъ послѣ.

Хоть и загнанное на теперешнія свои мѣста несомнѣнно нуждою Егорьевское населеніе жило на нихъ и просторно, и привольно; значитъ, привольно, когда лишь у незначительной части его,—у плотниковъ и лильщиковъ, жившихъ въ глуби уѣзда и всего болѣе по окраинѣ смежной съ Касимовскимъ уѣздомъ,—оказывалась склонность, и то не надолго, покидать дома свои для отходной промышленности. По крайней мѣрѣ такъ было во время моего дѣтства.

Не маловажныя причины доставляли Егорьевскому простому народу домашнее, такъ ему любезное, приволье.

Здѣшніе крестьяне по большей части были ломѣщичьи; но крѣпостная зависимость не была для нихъ особенно отяготительна. Мѣста здѣшнія рѣшительно непригодныя для устройства барщины, лѣсистыя, глухія, низменныя и некрасивыя, отнюдь не привлекали сюда ломѣщиковъ на житье постоянное, даже временное; только въ одномъ углу уѣзда, между уѣздами Коломенскимъ и Зарайскимъ (гдѣ находилось и наше родовое имѣніе), держалось около десяти ломѣщичьихъ усадьбъ, но и тутъ водились ломѣщики такъ-сказать не коренные,—не барщинные хозяева, а потомки дворянскихъ родовъ изстари здѣсь обжившихся. Поэтому крѣпостные Егорьевцы вездѣ, кромѣ двухъ, трехъ имѣній ломѣщичьяго уголка, были на оброкѣ и весьма необременительномъ, который мало того что собирался доморощенными старостами, а не управляющими изъ Нѣмцевъ или Поляковъ, но и отбывался иногда, какъ я слышалъ, натурой, разною дичиной, сушеными грибами или даже издѣліями кустарнаго производства: кадками, кадушечками, ушатами, ведрами. Стало-быть никакіе ломѣщичьи порядки не побуждали здѣшнихъ крестьянъ ни къ добыванію на чужой сторонѣ средствъ для оплаты повинностей, ни къ тому чтобы внѣ дома подъ предлогомъ какого-нибудь отходнаго промысла искать нѣкотораго отдыха отъ барщинной работы, всегда бывшей тягостною. Но я полагаю что эта замѣчательная домосѣдность егорьевскаго крестьянина

зависѣла также отъ того что онъ жилъ и издавна обжился на просторѣ не полевомъ и луговомъ, а лѣсномъ, и что предъ нимъ не было многоводныхъ широкихъ рѣкъ, особенно сильно развивающихъ въ прибрежныхъ жителяхъ склонность къ подвижности, къ перемѣнѣ мѣстъ.

Какъ же проживалъ Егорьевскій народъ въ своемъ лѣсномъ просторѣ? На чемъ добывалъ онъ себѣ хлѣбъ насущный, весьма скудно доставляемый тощею родною землей? На чемъ добывалъ все-таки необходимыя денежныя средства для оплаты барскаго оброка и казенныхъ податей, для удовлетворенія всякихъ своихъ потребностей, какъ бы ни мало онѣ были развиты? А проживалъ онъ, въ то именно время о которомъ говорю, хотя и не богато, но и не бѣдно: кустарное производство разныхъ подѣлушекъ изъ подручнаго, легко доступнаго лѣса давало ему достаточныя средства на все для него необходимое. Притомъ нисколько не истомленный крѣпостными порядками, при весьма замѣтной какъ бы прирожденной ему независимости характера, онъ довольно рано выказалъ склонность къ мануфактурной и фабричной промышленности, чему особенно благопріятствовало близкое сосѣдство промышленныхъ мѣстностей Владимірской губерніи, а также и то что въ этихъ мѣстностяхъ мануфактурнымъ и фабричнымъ дѣломъ занимались преимущественно люди единовѣрные здѣшнему народонаселенію, коренные изстари старообрядцы.

III.

Въ пору моего дѣтства я зналъ кромѣ города Егорьевска только тотъ уголъ Егорьевскаго уѣзда въ которомъ находилось наше имѣніе; но и тогда я видалъ жителей самыхъ глухихъ мѣстностей уѣзда,—именно въ нашемъ же имѣніи. Оно хоть и маленькое, но обилуетъ лугами очень хорошаго качества, такъ какъ луга эти ежегодно весной „понимаются“ разливами рѣки Оки; а у насъ изстари водилось что крестьяне наши гоняли свой скотъ безвозбранно и на господскихъ лугахъ вплоть до Троицына дня, послѣ же покосовъ отава на господскихъ лугахъ отдавалась въ ихъ же полное распоряженіе: вотъ поэтому коренастые, суровые обитатели глубины и окраинъ уѣзда, гдѣ лѣсные луга по причинѣ крайне тощей

лочвы весьма скудны травой, ежегодно пригоняли своихъ коровъ * въ наше имѣніе и отдавали ихъ нашимъ крестьянамъ на прокормъ во все лѣто, а особенно въ осеннюю пору. Конечно такихъ посѣтителей нашего маленькаго Михѣева было не много, но они являлись изъ разныхъ мѣстностей и хотя сторонились отъ господской усадьбы, я все-таки очень замѣтилъ ихъ крупныя черты, по крайней мѣрѣ, черты ихъ наружности. Потомъ по поступленіи на службу къ рязанскому губернатору мнѣ доводилось нѣсколько разъ заѣзжать въ разныя срединныя и окрайныя мѣста Егорьевскаго уѣзда, и такимъ образомъ я довольно хорошо познакомился съ тамошнимъ народонаселеніемъ. Постараюсь изобразить здѣсь особенно отпечатлѣвшіяся въ моей памяти характерныя черты этого народа; начну же прежде всего съ описанія его поселковъ, а окончу посильными моими соображеніями насчетъ того откуда и по какимъ причинамъ появился онъ въ здѣшней непригляднои и непроизводительной сторонѣ.

Селенія егорьевскихъ крестьянъ, какъ я уже упоминалъ, большею частью весьма мелкаго размѣра по количеству дворовъ. Вездѣ они какъ-то безпорядочно расположены: то нѣсколько ихъ лѣпятся кучами въ самомъ близкомъ разстояніи одно отъ другаго, то раскиданы по одиночкѣ по обширному пространству лесковъ и лѣсовъ. Обыкновенно эти небольшія деревушки выстроены очень хорошо. У всякаго дворохозяина непремѣнно двѣ избы, а у иныхъ, семьянистыхъ, бываетъ ихъ по три и болѣе. Почти всѣ избы изъ крупнаго лѣса, просторны, высоки, довольно свѣтлы и съ дымовыми трубами. Притомъ бо́льшая часть избъ крыта тесомъ, а остальныя—дранью; соломой же, по совершенному недостатку ржаной соломы, даже надворныя постройки не покрываются. ** Усадьбы широко занесены и на нихъ много разныхъ построекъ, срубленныхъ тоже изъ хорошаго лѣса. На этихъ просторныхъ усадьбахъ, всегда обгороженныхъ длинными жер-

* Кстати замѣчу: не крупныхъ, но очень молочныхъ. Здѣшнюю породу рогатаго скота очень можно бы улучшить. Насколько мнѣ извѣстно, она ни разу не была на выставкахъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть.

** На зимнее время здѣшніе тѣсно застроенные дворы обыкновенно укрываются („укутываются“) наглухо, то-есть и сверху; но для этого употребляется не солома, а еловыя вѣтви.

дями и плетнями, садиковъ почти вовсе нѣтъ и огородовъ мало, на за то разведены хмѣльники, по крайней мѣрѣ такъ было въ мое время *. И естественно что деревушки этой глухой стороны, гдѣ крестьяне вовсе тогда не обладали имущественнымъ достаткомъ, все-таки были хорошо выстроены и обстроены: всякаго лѣса было вдоволь про всѣхъ, подъ рукой былъ и свой (то-есть собственно барскій) и чужой,— а при постановкѣ избъ, при обстройкѣ усадьбъ, ни откуда не представлялось препятствій въ добываніи нужнаго для всего этого лѣса.

Въ описанныхъ мною деревушкахъ проживаетъ народъ видный, высокорослый, коренастый и здоровенный; не даромъ долговѣчные люди, дождавшіеся не только внуковъ, но и правнуковъ взрослыхъ,—старики которымъ перевалило далеко за сто лѣтъ,—бывали здѣсь, въ мое время, вовсе не въ рѣдкость. Наружность этого народа поистинѣ замѣчательна.

Овалъ лица довольно продолговатый, но вмѣстѣ съ тѣмъ это—лица широкія, съ крупными и весьма правильными чертами; словомъ, здѣшніе люди, какъ говорится, личмяные. Выраженіе же лицъ всегда очень серіозное, даже суровое и мрачное; такое вообще впечатлѣніе производятъ Егорьевцы на посторонняго наблюдателя особенно своими *каріми*, глубоко впалыми глазами, своимъ упорно-пристальнымъ, тяжелымъ взглядомъ. Да и стрижка темнорусыхъ, часто совсѣмъ черныхъ волосъ на головѣ какъ-то усиливаетъ суровость физіономіи Егорьевцевъ: самыя маковки у нихъ гладко выстрижены, а волоса надо лбомъ низко, почти вплоть надъ бровями, слущены и ровно простижены отъ одного виска до другаго. Кстати, мнѣ говорили нѣкоторые мѣстные священники что раскольники (которыхъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ

* Хмѣльники эти въ прежнее время, особенно когда еще были въ уѣздѣ можжевеловыя тычины, давали порядочный доходъ; но такія тычины уже перевелись теперь, можжевельникъ здѣшній измельчалъ до степени простаго кустарника, а съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ я слышалъ, стали сводиться и хмѣльники, хотя еще не вездѣ. Впрочемъ сведенію егорьевскихъ хмѣльниковъ вѣроятно всего болѣе способствовало именно то обстоятельство что здѣшніе крестьяне занимаются теперь преимущественно мануфактурнымъ и фабричнымъ трудомъ. Не могу скрыть моего сожалѣнія что хмѣльники исчезаютъ уже и потому что они на мои глаза придавали здѣшнимъ деревушкамъ очень оживленный видъ.

много) живутъ здѣсь весьма давно и завелись еще до Никоновскаго времени, что они потомки стригольниковъ; и это мнѣніе священники основывали именно на выстриженныхъ маковкахъ Егорьевцевъ. Конечно, при полномъ отсутствіи всякихъ другихъ доказательствъ насчетъ происхожденія здѣшнихъ старообрядцевъ (поповщинской секты, по Рогожскому кладбищу) отъ древнихъ новгородскихъ стригольниковъ, указаніе на выстриженныя маковки Егорьевцевъ, какъ на характерный признакъ этого происхожденія, крайне недостаточно и просто-на-просто произвольно.

На происхожденіе Егорьевцевъ указываютъ, по моему мнѣнію, на которомъ впрочемъ я отнюдь не настаиваю, иные, гораздо болѣе характерные признаки.

Егорьевскій народъ не помнитъ откуда онъ появился на теперешнихъ своихъ мѣстахъ: ни прямо, ни стороной не довелось мнѣ слышать чтобы въ сознаніи его представлялась какая-нибудь связь нынѣшней его жизни съ прошлою, отдаленною и давнею? Однако историческія воспоминанія ему не чужды, хотя, конечно, они весьма отрывочны и смутны. Къ слову онъ припоминаетъ только что былъ когда-то по всей Русской землѣ великій погромъ отъ Татарщины, да еще памятенъ ему царь Иванъ Васильевичъ. * Въ здѣшнихъ мѣстахъ, около селъ Туголѣса и Вышелѣса (самыя названія которыхъ такъ характерны), находился „второй станъ царскаго ловчаго лути“, куда и наѣзжалъ нерѣдко грозный царь для охоты, и гдѣ въ одинъ изъ такихъ наѣздовъ утопилъ онъ въ ка-

---

* О царѣ Иванѣ Васильевичѣ есть и еще преданія, неподалеку отъ Егорьевскаго уѣзда, въ селѣ Дѣдновѣ и въ городѣ Зарайскѣ. О дѣдновскомъ преданіи: какъ заѣзжалъ царь въ домъ тамошняго крестьянина, какъ двухлѣтній сынокъ этого крестьянина схватилъ царя за бороду и что изъ этого произошло, разсказано мной въ бытовомъ очеркѣ: *Генералъ Измайловъ и его дворня*, напечатанномъ въ *Древней и Новой Россіи* за 1876 годъ. Зарайское же преданіе разсказываетъ что царь Иванъ Васильевичъ нѣсколько разъ посѣщалъ Зарайскъ для богомолья, что обыкновенно такія путешествія совершалъ онъ на стругахъ, по рѣкѣ Осетру, тогда судоходной; и что однажды свой собственный стругъ онъ пожертвовалъ для постройки церкви на *полюбившемся ему* мѣстѣ, на высокомъ берегу упомянутой рѣки, гдѣ и стоитъ теперь село, отъ того называющееся Спасъ-Досчатый.

комъ-то озерѣ любимаго своего стременнаго, чѣмъ-то его прогнѣвившаго. Очень можетъ быть что это народное воспоминаніе указываетъ и на происхожденіе Егорьевцевъ: не отъ тѣхъ ли они Новгородцевъ сотни семействъ которыхъ выводилъ на поселеніе въ московскихъ „низовыхъ мѣстахъ“ еще дѣдъ грознаго, Иванъ Васильевичъ Третій? не оттого ли довольно часто видалъ я здѣсь, даже въ домахъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ ломѣщиковъ, на старинныхъ иконахъ Спасителя изображенія соловецкихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія и нерѣдко тоже, между здѣшними народными именами, попадались мнѣ имена Савватія, Саввы и другихъ святыхъ наиболѣе чтимыхъ въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Россіи? Пожалуй, не безъ значенія тутъ и сохраняющееся въ одномъ купеческомъ семействѣ города Егорьевска преданіе что родъ ихъ происходитъ отъ князей, „отъ Воротынскихъ что ли“ (отчего и прозываются эти купцы Князевыми), — преданіе, конечно, очень темное и даже странное, но тѣмъ не менѣе указывающее что и въ купеческихъ здѣшнихъ семействахъ, какъ извѣстно, всего менѣе сохраняющихъ родовыя преданія, остались еще воспоминанія о происхожденіи ихъ предковъ издалека идущемъ.

Разумѣется, всѣ эти указанія, по крайней отрывочности и темнотѣ своей, сами по себѣ очень слабо говорили бы за происхожденіе Егорьевцевъ отъ Новгородцевъ, но въ связи съ другими имѣющимися у меня въ виду фактами и они имѣютъ нѣкоторое значеніе. Факты же заключаются въ слѣдующемъ.

Во всѣхъ сосѣдственныхъ уѣздахъ трехъ губерній: Рязанской, Московской и Владимірской, очень много селъ, даже деревень, съ народонаселеніемъ въ нѣсколько тысячъ душъ, а въ Егорьевскомъ уѣздѣ такихъ селеній вовсе нѣтъ; Егорьевскія селенія, какъ я уже говорилъ, мелкія, а это ясно указываетъ на характеръ сѣверныхъ поселковъ. Кромѣ того, въ Егорьевскомъ уѣздѣ сельскія церкви часто стоятъ отдѣльно отъ селеній, въ разстояніи *нѣсколькихъ* верстъ отъ нихъ, и называются эти мѣста *погостами*. Названіе это рѣшительно неизвѣстно во всѣхъ прочихъ уѣздахъ Рязанской губерніи; да притомъ такое названіе, очень распространенное въ бывшихъ областяхъ Великаго Новгорода и имѣвшее тамъ особенный смыслъ именно потому что вокругъ погостовъ происходили торги, ярмарки, въ Егорьев-

скомъ уѣздѣ не имѣетъ этого смысла, ибо около здѣшнихъ логостовъ какъ теперь нѣтъ торговъ, такъ и прежде не было, даже не могло быть: здѣшній народъ не былъ торговымъ, да и дороги къ его поселкамъ были не безопасны. Вообще въ выше указанномъ характерѣ деревушекъ Егорьевскихъ, въ расположеніи церквей отдѣльномъ отъ селеній и въ названіи такихъ мѣстъ логостами, мнѣ кажется всего болѣе сказывается происхожденіе здѣшняго народа изъ областей Великаго Новгорода.

Затѣмъ на то же указываетъ „высокая“ рѣчь на *о*, особенно употребляемая въ тѣхъ селеніяхъ которыя прилегаютъ къ уѣздамъ Владимірской губерніи. Правда, сами Владимірцы говорятъ большею частію на *о*; но думается что Егорьевское населеніе сохранило тутъ свой родной говоръ, а не усвоило чужой отъ сосѣдей. Это соображеніе я основываю на томъ что жители Касимовскаго уѣзда, а также тутошніе инородцы, совсѣмъ обрусѣвшіе — Мещари, Мордва—даромъ что живутъ издавна въ близкомъ сосѣдствѣ съ Владимірцами, все-таки говорятъ мягкимъ говоромъ, совершенно подходящимъ къ говору московскому.

Наконецъ, даже по физіономіямъ своимъ, особенно же по выраженію ихъ, Егорьевцы кажутся мнѣ весьма близко подходящими къ типу коренныхъ новгородскихъ русскихъ людей.

Я хоть и не настаиваю на мнѣніи моемъ о новгородскомъ происхожденіи Егорьевцевъ, однако скажу что мнѣ пріятно было бы еслибъ оно подтвердилось. По семейнымъ нашимъ преданіямъ, родъ матери моей новгородскій, да и теперь еще есть въ Новгородской губерніи дворянскія фамиліи намъ родственныя (напримѣръ Дворяшины). Мать моя часто говорила мнѣ объ этомъ и не разъ уломинала что въ Егорьевскомъ уѣздѣ чуть ли не весь народъ выходецъ изъ Новгородскихъ областей.

Можетъ-быть поэтому всегда съ ранней молодости мнѣ были симпатичны Егорьевцы, даромъ что физіономіи ихъ такъ суровы и мрачны, даромъ что пугавшая меня въ дѣтствѣ „слава“ о склонности ихъ къ разбойничеству была мнѣ *особенно* извѣстна, ибо въ нашемъ семействѣ жило еще тогда преданіе о томъ какъ прабабка моя (родомъ Бологовская) чуть было не попалась въ руки разбойниковъ при поѣздкѣ во Владимірскую губернію. Слыхалъ я тоже не разъ что самый городъ Егорьевскъ, вскорѣ послѣ возведенія его изъ простаго села

въ достоинство города, былъ закрываемъ двукратно, вслѣдствіе часто случавшихся въ немъ грабежей и убійствъ. Да и не даромъ сложилась народная логоворка о Егорьевцѣ что онъ дескать хорошій человѣкъ: самъ рѣжетъ, а говоритъ: „не бось“.

IV.

Не знаю откуда были родомъ крестьяне нашего маленькаго Михѣева. Они не носили на себѣ родовыхъ признаковъ столь рѣзко замѣтныхъ у жителей срединныхъ и прочихъ окрайныхъ мѣстностей Егорьевскаго уѣзда. Рѣчь Михѣевцевъ—чистый говоръ московскій; физіономіи — совершенно открытыя, съ голубыми или сѣрыми глазами, со взглядомъ нисколько не суровымъ и мрачнымъ, напротивъ того очень веселымъ; стрижка русыхъ волосъ,—пожалуй и это возьму въ разчетъ, — ни малѣйше не походила на ту какую видалъ я у коренныхъ Егорьевцевъ; наконецъ и то замѣчательно что въ Михѣевѣ никогда не было раскольниковъ.

Народъ въ окрестныхъ селеніяхъ да и вообще въ нашемъ углу тоже не походилъ на истыхъ Егорьевцевъ ни говоромъ, ни наружностью, ни принадлежностью къ расколу, ни даже трудовыми своими занятіями. Да вотъ хоть бы эти занятія: на мой взглядъ они чуть ли не особенно сильно выражаютъ разницу во всемъ между обитателями нашего „угла“ съ прочимъ народонаселеніемъ Егорьевскаго уѣзда. Въ теперешнее время, по всему этому уѣзду, благодаря знаменитымъ бумагопрядильнымъ фабрикамъ Хлудовыхъ, устроеннымъ въ городѣ Егорьевскѣ съ 1844 года *, весьма сильно развитъ фабричный трудъ; простой народъ не только изъ окрестностей Егорьевска, но даже изъ срединныхъ и окрайныхъ мѣстностей уѣзда стремится на фабрики, дома также занимается выдѣлкой разныхъ дешевыхъ тканей изъ бумажной пряжи; но народъ нашего угла почти вовсе не выказываетъ подоб-

* Вокругъ этихъ первоначальныхъ фабрикъ развелись и другія, не столь огромныя какъ Хлудовскія, но все-таки довольно значительныя и привлекающія къ себѣ на работу много людей и взрослыхъ и малолѣтныхъ. Въ прошломъ году, посѣтивъ Егорьевскъ, я слышалъ что тутъ работаетъ на фабрикахъ слишкомъ двадцать тысячъ человѣкъ, и соображая теперь широкое движеніе народа на Егорьевскихъ улицахъ, свѣдѣніе это я не считаю преувеличеннымъ.

наго же стремленія: онъ занимается, какъ и прежде занимался, земледѣльческимъ трудомъ да приторговываетъ дома (впрочемъ больше прежняго), довольно мало лускаясь на сторону для любимой имъ торговли. Всему этому главнѣйшими причинами, конечно, и родная земля, хотя не очень производительная (вовсе не черноземная, а супесчаная, что̀ называется сѣрая), но тѣмъ не менѣе, пригодная для обработки и дающая почти постоянно порядочные урожаи, а главное—тутъ подъ рукой большая рѣка, все еще покуда судоходная (съ прискорбіемъ пишу: „все еще покуда“,—мелѣютъ чрезвычайно, совсѣмъ изничтожаются наши рѣки-кормилицы), по рѣкѣ же обширные заливные луга и свои, и чужіе *. Все это можетъ доставлять и дома хорошіе прибытки; вотъ отчего домосѣдничаетъ весьма значительное народонаселеніе въ нашемъ углѣ, не увлекаясь притомъ къ фабричной дѣятельности, чему конечно нельзя не порадоваться.

Приволье подручныхъ промысловъ, приволье даже мѣстности на которой живетъ здѣшній людъ, въ прокъ ему пошли и въ физическомъ, и въ умственномъ отношеніяхъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю молодцоватый видъ, красивыя, оживленныя бойкимъ взглядомъ лица здѣшнихъ мущинъ (женщины же далеко не такъ красивы); еще съ бо́льшимъ удоволь-

* Чужими лугами можно тоже пользоваться, и совершенно законно. Такъ въ извѣстномъ селѣ Дѣдновѣ (Зарайскаго уѣзда), отъ котораго весь нашъ уголъ находится не далѣе какъ въ 7—15 верстахъ, помѣщичьи луга и значительная часть „мірскихъ“, крестьянскихъ, сдаются ежегодно на снятіе травы и подъ отаву. Да и не въ одномъ Дѣдновѣ луговъ много (въ этомъ селѣ всего удобной луговой земли до *девяти* тысячъ десятинъ, пахотной же вовсе нѣтъ); весьма много ихъ при огромныхъ селахъ Зарайскаго же уѣзда: Любичахъ, Ловцахъ, Боркахъ, Нижнемъ и Верхнемъ Бѣлоомутѣ, Негоможи и при другихъ селеніяхъ уже меньшаго размѣра. Отъ этого-то обилія луговъ вся при-Окская (Зарайская) сторона, густо покрытая прекрасными, богатыми селами,—сторона очень близко соприкасающая съ нашимъ угломъ Егорьевскаго уѣзда,—бываетъ чрезвычайно оживлена торговымъ движеніемъ какъ во время сѣнокошенія, такъ и въ отавную пору. Кстати, и нынѣ, когда уже пролегла въ близкомъ разстояніи отъ указываемой стороны Московско-Рязанская желѣзная дорога, по которой можно перевозить гурты изъ степныхъ мѣстностей въ Москву, все-таки пригоняется сюда къ осени очень много гуртовъ, собственно для откорма на прекрасной здѣшней отавѣ.

ствіемъ вспоминаются мнѣ многія черты ихъ замѣчательной смышленности, ихъ своехарактернаго умственнаго развитія; нѣкоторыя изъ нихъ я и приведу здѣсь.

Прежде всего отмѣчу развитіе грамотности среди народа нашего угла, тѣмъ болѣе замѣчательное что оно совершалось полстолѣтія тому назадъ, при всей силѣ крѣпостнаго права и на средства самимъ народомъ выбранныя. На деревушку нашу, состоявшую менѣе чѣмъ изъ двадцати дворовъ, считалось уже слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ болѣе десяти грамотниковъ, между которыми были и взрослые мужики. Въ сосѣднихъ селеніяхъ: Макшѣевѣ, Зарудиѣ, Маливѣ и проч. тоже было тогда не мало грамотниковъ. Распространенію грамотности много содѣйствовали „читальщицы“, церковнослужители, дьячки и пономари, а также и церковные сторожа изъ отставныхъ солдатъ. Особенно потрудились именно читальщицы, которыхъ много было тогда въ селѣ Дѣдновѣ и въ другихъ селеніяхъ Зарайскаго уѣзда.

Давно, слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, я изобразилъ читальщицу въ повѣсти подъ тѣмъ же названіемъ. Лицо это почти во всѣхъ чертахъ у меня вымышлено, но читальщицу однажды я видѣлъ и именно такъ какъ описано въ началѣ повѣсти; словомъ, я взялъ типъ дѣйствительно существовавшій. Насколько я знаю по слухамъ, типъ этотъ и теперь еще существуетъ, и можетъ-быть онъ никогда не исчезнетъ на землѣ чисто русской. Это типъ поистинѣ прекрасный; въ немъ выражается совѣсть народная въ самомъ высшемъ духовномъ своемъ значеніи.

Читальщицы—не ханжи святоши, не тѣ темныя личности которыя подъ покровомъ внѣшней набожности и въ формахъ особенно привычныхъ народу добиваются цѣлей своекорыстныхъ. Это почти всегда молодыя дѣвушки, сознательно отрѣшившіяся ото всякой мысли о брачной семейной жизни и пожелавшія во искупленіе грѣховъ ближнихъ своихъ „потрудиться“ на міру, непремѣнно на міру, трудомъ простымъ и безкорыстнымъ. И трудъ ихъ точно простъ и безкорыстенъ, хотя за него онѣ и не отказываются отъ вознагражденія, принимая впрочемъ его лишь въ такомъ размѣрѣ въ какомъ оно надобится имъ въ данную минуту для поддержанія скудной одинокой ихъ жизни. Соблюдая совершеннѣйшую чистоту во всемъ житіи своемъ, онѣ являются тотчасъ же всюду гдѣ нужна ихъ помощь, и не только къ

своимъ односельцамъ, но и къ чужимъ людямъ изъ окрестныхъ деревень: онѣ ухаживаютъ за ослабѣвшими одинокими стариками и старухами, за больными, за отходящими изъ жизни земной, онѣ читаютъ Псалтирь по усобшимъ (отчего и прозываются вообще въ народѣ читальщицами), онѣ обучаютъ грамотѣ подростковъ и малолѣтковъ обоего пола. Примѣръ ихъ чистой духовно-прекрасной, истинно-христіанской жизни всегда предъ глазами народа всѣми сторонами своего высокаго достоинства, и остается не безплоднымъ, какъ можно замѣтить это легко изъ того именно, съ какимъ уваженіемъ и любовію относится къ нимъ весь народъ, даже порочные изъ него люди. Такъ было и такъ поддерживалось долго въ мое время, когда я часто навѣщалъ нашъ уголъ Егорьевскаго уѣзда. Не знаю доподлинно, изъ личныхъ наблюденій, что̀ сталось теперь съ читальщицами, впрочемъ слышалъ что онѣ еще существуютъ, и дай Богъ чтобъ отнюдь не умалялось число ихъ противъ прежняго, чтобъ и не искажались нисколько чисто-нравственныя черты ихъ общаго характера, чтобы наконецъ не было имъ помѣхи въ одной части ихъ общеполезнаго въ народной жизни труда, именно въ распространеніи грамоты.

Но я и еще долженъ прибавить нѣсколько словъ въ объясненіе особенной черты дѣятельности читальщицъ, той причины которая побуждаетъ ихъ къ трудному, всю жизнь ими совершаемому подвигу, — *во искупленіе грѣховъ ближнихъ своихъ.*

Жители села Дѣднова, да и всѣхъ большихъ селеній при-Окской стороны въ Зарайскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ народъ весьма подвижной и можетъ-быть черезчуръ бойкій. Почти каждый изъ нихъ не одинъ разъ на своемъ вѣку побывалъ на чужой сторонѣ, во многихъ большихъ городахъ, и видалъ много хорошаго и дурнаго, а пожалуй соблазнительнаго видалъ всего больше. Вообще же оторванность часто съ самаго ранняго возраста отъ домашней семейной жизни, вездѣ на чужой сторонѣ встрѣчающіеся худые примѣры слишкомъ разгульнаго житья-бытья, даже самый родъ промысловыхъ занятій мущинъ изъ вышеуказанныхъ селеній,—по крайней мѣрѣ занятій наиболѣе этимъ людямъ доступныхъ и ими крѣпко облюбованныхъ въ то время про которое теперь я вспоминаю,—то-есть служба по „винной части“, по откупамъ, или же служба лоцманами, водоливами

на баркахъ и „коноводами“ при нихъ, — все это создавало здѣсь характеры крайне подвижные, разгульные смолоду и въ зрѣломъ возрастѣ, а подъ старость крутые и даже очень жесткіе. Само-собою разумѣется что подъ старость эти бойкіе люди проживали уже дома, и тутъ въ высшей степени рѣзко выказывались всѣ дурныя стороны ихъ характеровъ,— особенно же если подъ конецъ промысловой ихъ дѣятельности имъ не поудачилось, если не сдержали они вовремя свой разгулъ и удалились на родину съ пустыми руками. Упреки совѣсти за грѣховныя дѣла, укоры и отъ собственнаго здраваго смысла, и отъ осужденія сторонних людей за то что вся жизненная бойкость въ прокъ не пошла вслѣдствіе излишняго разгула—ожесточали ихъ чрезвычайно, отчего въ семьяхъ своихъ нерѣдко они становились истыми мучителями, и тѣмъ болѣе что нерѣдко же воспоминанія о прежнемъ веселомъ житьѣ страшно соблазняли ихъ, и они изъ послѣднихъ денежныхъ средствъ своихъ предавались разгулу, хотя недолговременному, но тѣмъ не менѣе крайне накладному для семейныхъ. Вотъ въ этихъ-то семьяхъ нараждались и вырастали тѣ будущія труженицы, тѣ читальщицы которыя не только по смерти своихъ родителей, но иногда и при жизни ихъ пускались на подвигъ искупленія грѣховъ ихъ. Онѣ совершали этотъ подвигъ на міру, конечно въ томъ высокомъ убѣжденіи что именно принесеніемъ посильной помощи на міру всего скорѣе можно достигнуть цѣли подвига своего. „Міръ“, на глазахъ у котораго совершались грѣховныя дѣянія ихъ ближнихъ, долженъ былъ близко увидать и подвигъ совершаемый во искупленіе этихъ дѣяній. Такая именно мысль руководила читальщицами. Такъ разумѣлъ о нихъ народъ и потому-то такъ уважалъ ихъ.

Конечно, грамотность передаваемая читальщицами имѣла чисто-религіозный характеръ: тутъ все было основано на изученіи *Часослова*, *Псалтиря* и наиболѣе употребительныхъ молитвъ. Азбуки и книги гражданской печати вовсе не были въ ходу. Счету читальщицы тоже не учили.

Въ этомъ же родѣ передавали грамотность и отставные солдаты, сторожа при сельскихъ церквахъ. Не знаю опять-таки какъ теперь, а назадъ тому лѣтъ сорокъ и даже больше церковными сторожами были *всегда* отставные, престарѣлые и израненные солдаты и непремѣнно грамотники; по крайней мѣрѣ ни въ одной церкви по сосѣдству отъ насъ

не было неграмотныхъ сторожей, и я даже слыхалъ отъ мѣстныхъ священниковъ что сторожа *должны* быть грамотниками, хотя и не помню почему такъ. Богъ вѣсть когда, гдѣ и какъ сами они ознакомились съ грамотой. Но какъ люди престарѣлые, всегда одинокіе, на своемъ вѣку испытавшіе много всякаго горя, видавшіе смерть близко и спасавшіеся отъ гибели только чудомъ Божіимъ, они были набожны чрезвычайно и вели жизнь безупречную во всѣхъ отношеніяхъ. Имѣя обязанность охранять церкви, поддерживать въ нихъ и вокругъ нихъ порядокъ и чистоту,—высоко цѣня эту обязанность, — они никогда не отходили отъ церквей, имъ даже и пищу доставляли прихожане. И вотъ въ сторожкахъ своихъ они преподавали грамоту, преимущественно мальчикамъ, употребляя для этого тоже *Часословъ* и *Псалтирь*. Народъ очень уважалъ этихъ старыхъ служакъ, не отдыхавшихъ и подъ старость за бездѣльемъ и продолжавшихъ всеусердно служить Богу и „міру“. Крестьяне чрезвычайно охотно отдавали къ нимъ на выучку дѣтей своихъ, хотя старые эти служаки были обыкновенно люди суровые и на видъ, и по всему обхожденію своему.

Наконецъ распространяли въ народѣ грамотность и церковнослужители, дьячки и пономари. Они дѣлали это уже по инымъ побужденіямъ чѣмъ читальщицы и церковные сторожа: домашняя нужда заставляла ихъ дѣлаться наставниками. Въ то время, и даже въ нашемъ углѣ, гдѣ народонаселеніе отличалось зажиточностью, доходы причтовъ были очень не велики и по большей части поступали они натурой. Притомъ, доходы эти дѣлились такъ: священникъ получалъ половину изо всего, затѣмъ діаконъ (тогда всѣ приходы въ нашемъ углѣ имѣли діаконовъ) получалъ изъ второй половины тоже половину, остальное же дѣлили промежь себя поровну дьячокъ и пономарь. Конечно доля ихъ была уже весьма незначительна и часто совершенно недостаточна для содержанія семьи. Поэтому многіе дьячки и пономари всячески старались залучить къ себѣ учениковъ. Однако народъ не очень охотно отдавалъ къ нимъ дѣтей своихъ на выучку, и именно потому что они почти всегда обучали по азбукамъ гражданской печати. Отчего же дьячки и пономари не придерживались *Часослова* и *Псалтиря*, ужь право не могу объяснить.

Распространенность грамоты въ окрестномъ съ нашимъ имѣніемъ народѣ—фактъ дѣйствительный, и онъ особенно

замѣчателенъ въ двухъ отношеніяхъ: волервыхъ, грамотность эта возникла и развилась безо всякихъ вліяній со стороны, никто и никого къ ней не обязывалъ, самъ народъ сознялъ что она для него полезна и необходима; вовторыхъ, чисто-религіозный характеръ ея давалъ тогдашнимъ грамотникамъ сильную нравственную поддержку. Мнѣ отрадно вспомнить здѣсь что за мое время во всемъ нашемъ околоткѣ крупныя преступленія, — убійства, разбои, грабежи, — были совершенно неизвѣстны.

Кстати я долженъ указать здѣсь что грамотность всего болѣе была распространена въ при-окскихъ губерніяхъ, въ Коломенскомъ же уѣздѣ и въ нашемъ углу она была менѣе значительна. Для при-окскихъ большихъ селъ была особенная тому причина: тамошній народъ постоянно отлучался на сторону, да и промыслы его тамъ преимущественно вращались около „винной части“, для которой совершенно необходимо было умѣнье не только считать, но и хорошо читать и писать. Но въ нашемъ околоткѣ и неграмотники отличались большою смышленостью, способностью къ торговлѣ, къ промысламъ, къ мастерствамъ, даже и къ механикѣ. Вспоминаю теперь довольно многихъ неграмотныхъ крестьянъ изъ сосѣднихъ съ нами селеній: Маливы, Зарудни, Половки, Макшеева, Нестерова, Сельникова, Тимирева, которые промысломъ, мастерствомъ, торговлей достигли хорошей зажиточности, особенно же памятенъ мнѣ крестьянинъ села Маливы (Егорьевскаго уѣзда) Андрей Степановъ, человѣкъ тоже неграмотный, по наружности даже простоватый, но очень ловко занимавшійся торговлей и составившій себѣ значительный для того времени капиталъ тысячъ въ тридцать. И въ нашемъ сельцѣ Михѣевѣ не мало было зажиточныхъ крестьянъ, все по причинѣ своего мастерства и умѣнья заниматься торговлей: такъ Савостьянъ Михайловъ, мужикъ весьма умный, занимаясь постоянно съ двумя своими сыновьями шорнымъ мастерствомъ, нажилъ себѣ хорошія деньги; такъ Никифоръ Ивановъ Журавлевъ имѣлъ тоже постоянно свою довольно большую красильню и собственный домъ въ подмосковномъ селѣ Черкизовѣ; такъ Корнѣй Даниловъ состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ механикомъ при какой-то Серпуховской фабрикѣ, и когда, устарѣвъ, удалился совсѣмъ на родину, занимался до самой смерти столярною работой; то были, такъ-сказать, крупные дѣятели, и хотя всѣ трое—

неграмотники, но грамоту очень уважавшіе, ибо всѣхъ дѣтей своихъ отдавали на выучку грамотѣ. Но и почти всѣ коренные Михѣевцы, кромѣ переселенцевъ изъ деревни Тарбѣихи и кромѣ еще двухъ семей явно нерусскихъ, а по всей вѣроятности происходившихъ отъ полонянниковъ изъ областей Рѣчи Посполитой, очень выгодно торговали (большею частью въ складчину, по три, четыре человѣка) дѣдновскими лугами, дѣдновскимъ сѣномъ, ѣздили также въ приволжскія мѣста за рыбой и вообще занимались всякою мелочною торговлей, отнюдь не покидая въ то же время кореннаго своего земледѣльческаго труда. Живо вспоминается мнѣ при этомъ ловкость Михѣевцевъ, умѣнье ихъ взяться тотчасъ же за трудное и непривычное имъ дѣло. Привезли напримѣръ въ село Макшѣево, куда мы были приходомъ, новый большой колоколъ, кажется слишкомъ въ триста пудовъ. Это было въ пятницу—базарный день въ селѣ Дѣдновѣ, когда Михѣевцы уже непремѣнно отправляются туда по разнымъ домашнимъ надобностямъ и торговымъ дѣламъ. И вотъ въ Макшѣевѣ, безъ Михѣевцевъ, не сумѣли-таки повѣсить колоколъ: лишь когда явились наши крестьяне, „пошелъ“ онъ сразу, не только безъ неудачъ, но и безъ задержекъ,—такъ хорошо принялись за дѣло эти молодцы.

Михѣевцы отличались веселымъ характеромъ. Всѣ большіе праздники, а также и храмовые, праздновались въ Михѣевѣ широко и долго, уже не менѣе трехъ дней; особенно же весело справлялись: Покровъ Богородицы (1го октября), Рождественскія святки, Свѣтлая недѣля, Масляница, Троицынъ и Духовъ дни и храмовые праздники (Николины дни зимой и весной). Въ Николины дни бывало что называется разливанное море всегда и во всѣхъ домахъ, даже незажиточныхъ. Тогда наше крошечное Михѣево переполнялось и гостями, чужимъ людомъ изъ окольныхъ селеній, всего же болѣе изъ Зарудни и Маливы, съ жителями которыхъ Михѣевцы изстари жили ужь не знаю почему въ особенной пріязни и во всегдашнихъ ладахъ. Но кромѣ большихъ и храмовыхъ праздниковъ, Михѣевцы проводили очень весело воскресные дни въ ту именно пору что наступала за прекращеніемъ весеннихъ полевыхъ работъ и тянулась до начала уборки хлѣбовъ: тогда въ послѣобѣденное время и вечерами составлялись хороводы съ пѣснями и плясками и часто это веселье продолжалось до поздней ночи. Съ удоволь-

ствіемъ вспоминаю что оно происходило почти всегда въ виду господскаго дома, иногда даже на барскомъ дворѣ, и это не по приказанію, не по зову, а по добровольной охотѣ. Хорошо тоже бывало при уборкѣ луговъ въ Михѣевѣ, когда тамошніе крестьяне косили свои собственные, а также снятые ими дѣдовскіе луга, часть которыхъ вплоть подходила къ нашей деревнѣ, или когда участвовали по найму въ уборкѣ господскихъ луговъ, всегда снимаетыхъ сторонними людьми. Трудъ этой уборки совершался чисто по-праздничному: молодые женатые мущины, молодыя женщины, холостые парни и дѣвушки выходили „ворошить“ сѣно, собирать его въ копны, „кидать“ въ стога, въ лучшей своей одеждѣ, да и пожилые мужики и бабы замѣтно приналяжались для этой работы; при ворошеньи сѣна обыкновенно раздавались веселыя пѣсни; въ ясную погоду молодой народъ и даже среднихъ лѣтъ мужики и жены ихъ всегда заночевывали на лугахъ и тутъ раскладывались, по закатѣ солнечномъ, большіе костры, вокругъ которыхъ водились хороводы и шло веселье долго, до полночи.

На послѣднихъ дняхъ Масляницы, когда по давно заведенному обычаю Михѣевцы отправлялись большимъ поѣздомъ въ село Маливу на катанье, они всегда бывало заѣзжали на барскій дворъ попросить матушку чтобъ отпустила съ ними барченка, то-есть меня, и матушка соглашалась, отпускала, только непремѣнно въ сопровожденіи нашего стараго кучера Петра Леонтьева. И на Свѣтлой недѣлѣ она отпускала меня для катанья по широкому разливу Оки и нашей рѣчки, затоплявшему всю окрестную луговую равнину и окружавшему насъ весной съ трехъ сторонъ. Правда, она рѣшалась на это трудно, а все-таки рѣшалась, только сама выходила вблизи посмотрѣть, какъ маленькая флотилія Михѣевцевъ, состоящая изъ лодокъ и утлыхъ челновъ, отправлялась съ православнымъ людомъ на гулянье, да наблюдала чтобъ я былъ въ хорошей лодкѣ, съ надежными и трезвыми людьми, да приказывала при этомъ и просила чтобъ отнюдь не отплывали далеко отъ деревни,—и во все время гулянья тоскливо дожидалась на берегу возвращенія флотиліи. Но въ одномъ случаѣ матушка уже никакъ не рѣшалась довѣриться Михѣевцамъ: это именно во время ихъ плаваній на такъ-называмые „острова“. Стоитъ разказать объ этихъ плаваніяхъ.

Луговая равнина, далеко и широко раскинувшаяся между многими селеніями нашего угла Егорьевскаго и прилегаю-

цихъ къ нему окраинъ Зарайскаго и Коломенскаго уѣздовъ, имѣетъ кое-гдѣ въ своемъ центрѣ небольшія, даже вовсе незамѣтныя лѣтомъ возвышенія, отчего и неодновременно „понимается“ разливомъ Оки, рѣки Цны, нашей рѣчки Щелинки и нѣсколькихъ озеръ. Вотъ эти-то возвышенія и образуютъ острова въ теченіе первыхъ дней разлива. Сюда спасаются съ низменныхъ мѣстъ внезапно залитыхъ водой зайцы въ великомъ множествѣ, а иногда вмѣстѣ съ ними и волки, и конечно съ прибылью воды, когда настаетъ совсѣмъ половодье, всѣ они погибаютъ. Но и до того не малая часть ихъ безпощадно истребляется крестьянами окольныхъ селеній. Михѣевцы наши были чуть ли не самыми добычливыми въ этой охотѣ, потому что жили ближе другихъ къ луговой равнинѣ и къ островамъ. Впрочемъ эта охота довольно опасна именно по присутствію на островахъ волковъ; а кромѣ того, при возвращеніи съ охоты, иногда является и бо́льшая опасность: охотящіеся за звѣрями черезчуръ уже увлекаются и не замѣчаютъ какъ застаетъ ихъ ночь съ непроглядною темью, съ бурною погодой, когда вдобавокъ попадаются на встрѣчу громадныя „икры“ со взломанной половодьемъ Оки, могущія разомъ опрокинуть и разбить нѣсколько лодокъ и челновъ.

V.

Въ верстѣ отъ насъ было село Макшево, куда мы были приходомъ. Это ломѣщичье селеніе (гдѣ въ мое время ломѣщики никогда не жили) не велико, въ немъ не болѣе 150 душъ мужескаго пола, да и вообще само по себѣ оно ни чѣмъ не замѣчательно. Но для меня село Макшѣево довольно интересно уже потому что дѣдъ мой Николай Михайловичъ П—въ выведенный мной въ разсказѣ: „*Исторія моего дѣда*“ подъ фамиліей Туренина, воинственно и удачно защищалъ свою водяную въ Михѣевѣ мельницу отъ посягательствъ на разореніе ея со стороны злобной и страшно жестокой ломѣщицы села Макшѣева, фамиліи которой я теперь не помню. Замѣчательно же въ этой борьбѣ именно то что она велась не въ формѣ многокляузной и многобумажной тяжбы, а чисто на феодальный ладъ: на мельничной плотинѣ нерѣдко происходили между Михѣевцами и Макшѣевцами, всегда подъ

личнымъ предводительствомъ дѣда и лихой его сосѣдки, сильныя побоища. И это не осталось безъ послѣдствій для будущихъ поколѣній — и теперь крестьяне этихъ селеній, даромъ что ближайшіе сосѣди, какъ-то все не ладятъ между собой.

Вотъ еще что̀ особенно памятно мнѣ въ селѣ Макшѣевѣ: въ каменной церкви его, построенной должно-быть въ концѣ прошлаго столѣтія, находятся такія рѣдкости какихъ я не видалъ нигдѣ въ церквахъ средней полосы Россіи. Вопервыхъ, по обѣ стороны „царскихъ вратъ“ стоятъ на довольно высокихъ льедесталахъ двѣ рѣзныя изъ дерева фигуры въ ростъ человѣка, изображающія Моисея и Аарона. Работа этихъ фигуръ искусная: отчетливо изображены одѣяніе и головной уборъ ветхозавѣтныхъ еврейскихъ первосвященниковъ; лица и позы исполнены художественной силы. Но кромѣ того на правой сторонѣ отъ входа въ нишѣ за стекломъ еще одна фигура изображающая, какъ говорятъ, Святителя Николая Мирликійскаго. Она тоже рѣзная изъ дерева; облечена въ архіерейскую богослужебную одежду; на головѣ архіерейская митра; лицо весьма потемнѣвшее и, очевидно, эта статуя сдѣлана уже давно. Откуда взялись эти пластическія изображенія въ дной изъ сельскихъ церквей (состоявшей прежде въ Коломенской епархіи и не такъ давно перешедшей въ составъ Рязанской епархіи)? Мѣстные священники, я зналъ двухъ, не могли объяснить мнѣ: ни по какому случаю, ни когда именно явились въ Макшѣевской церкви эти статуи, у насъ вообще недопускаемыя. Однако вопросъ о нихъ казался мнѣ любопытнымъ, и я самъ порѣшилъ его такъ: по всей вѣроятности тѣ фигуры находились прежде въ какомъ-либо католическомъ или уніатскомъ храмѣ юго-западныхъ или сѣверо-западныхъ теперешнихъ нашихъ губерній, и оттуда, во время еще войнъ съ Польшей, вывезены были вмѣстѣ съ другою воинскою добычей кѣмъ-либо изъ служилыхъ дворянъ, прихожанъ Макшѣевской церкви, а затѣмъ и пожертвованы въ нее какъ предметы священные.

Верстахъ въ двухъ отъ нашего Михѣева было село Малива. Оно гораздо больше Макшѣева, въ немъ, кажется, уже до тысячи душъ; впрочемъ жители его ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ прочихъ крестьянъ нашего угла, да и вообще оно нисколько не замѣчательно ни въ торговомъ и промышленномъ, ни въ бытовомъ и историческомъ отноше-

ніяхъ. Но для меня село это очень интересно: въ дѣтствѣ и въ ранней моей молодости меня чрезвычайно привлекали въ него старый боръ и остатки усадьбы князя .....скаго, того злаго человѣка который загубилъ моего дѣда и котораго я вывелъ въ вышеупомянутомъ разказѣ лодъ неудачно выбранной фамиліей: Любецкій *.

Старый боръ этотъ, подходившій однимъ концомъ своимъ почти вплоть къ церкви села Маливы, былъ не великъ,— врядъ ли занималъ онъ болѣе десяти десятинъ. Явно что это былъ лишь остатокъ бора. Но и занимая такое малое пространство, онъ всѣмъ своимъ видомъ вполнѣ соотвѣтствовалъ названію съ которымъ обыкновенно соединяется представленіе о громадномъ величавомъ лѣсѣ. Довольно близко я видѣлъ много лѣсовъ въ Рязанской, Владимірской, Московской, Тульской губерніяхъ, а также въ трехъ губерніяхъ лѣсистаго сѣверо-западнаго края: Ковенской, Гродненской и Виленской; но рѣшительно нигдѣ я не видалъ такихъ великановъ-деревьевъ какъ въ Маливскомъ бору: тутъ были дубы и сосны въ два и въ три обхвата, то-есть въ окружности своей имѣвшіе болѣе сажени. Разумѣется, Маливскій боръ былъ очень рѣдокъ, такія огромныя деревья не могли расти въ тѣснотѣ, и несмотря на то внутри онъ былъ сумраченъ, даже теменъ, ибо въ тѣни дубовъ очень густо и довольно высоко росли кусты орѣшника и другія мелкія деревья лиственныхъ породъ. Теперь Маливскій боръ уже не существуетъ; онъ сведенъ окончательно, кажется болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, и жаль мнѣ его, стараго, чрезвычайно жаль: въ сумрачной тѣни его я часто бродилъ когда еще былъ ребенкомъ и потомъ въ ранней моей молодости; тутъ дышать и глядѣть на все такъ было хорошо, тутъ думалось такъ плавно и спокойно. Кстати, по народному преданію, Маливскій боръ выросъ на крови татарской; а когда и по какому случаю пролилась здѣсь кровь татарская и конечно русская, преданіе не говоритъ: оно темно какъ было темно когда-то внутри стараго Маливскаго бора.

Иныя впечатлѣнія, иныя чувства возбуждалъ во мнѣ видъ

---

* Въ настоящее время, конечно, я могъ бы выставить настоящія фамиліи и моего дѣда и князя .....скаго; но нахожу это излишнимъ и безполезнымъ: стараго зла и такъ обличено у насъ вдоволь.

усадьбы князя..... скаго, усадьбы по пространству огромной и довольно близко примыкавшей къ старому бору.

Она была заброшена давно, на ней не оставалось ровно никакихъ строеній. То былъ совершенный пустырь. Должно-быть всѣ усадебныя постройки и барскій домъ и дворовыя службы были деревянныя, и послѣ того какъ имѣніе князя поступило (ужь не знаю по какой причинѣ) въ казенное вѣдомство, онѣ проданы на свозъ. Въ мое время тутъ были замѣтны по кучамъ кирпичнаго и каменнаго мусора, по малымъ буграмъ и большимъ ямамъ только мѣста гдѣ стояли строенія. Странно: отъ цвѣтниковъ сохранился-таки очень замѣтный слѣдъ въ одномъ мѣстѣ, какъ-разъ противъ того пространства на которомъ, повидимому, находился господскій домъ, уцѣлѣла нѣсколько возвышенная и округленная площадка съ двумя на ней кустиками одичавшихъ розъ; а гдѣ былъ садъ, собственно при усадьбѣ—трудно было найти безъ особаго указанія; по разказамъ же стариковъ, садъ былъ великъ, но крайней мѣрѣ занесенъ очень широко, но въ немъ находились все молодыя деревья, и плодовыя и дикорастущія. Уже поэтому можно судить что усадьба князя ....скаго была новая, не обсиженная его предками, а заведенная имъ самимъ.

Я часто посѣщалъ и княжескую усадьбу. Но сначала, въ дѣтствѣ моемъ, я очень рѣдко захаживалъ на нее, а больше издали вглядывался. Потомъ, повозмужавъ, я уже всегда пробирался внутрь усадьбы. Не зачѣмъ говорить теперь о тѣхъ чувствахъ которыя почти постоянно волновали меня при этихъ прогулкахъ; я уже давно преодолѣлъ эти чувства, хотя въ настоящую минуту яснѣе чѣмъ когда-нибудь вижу чѣмъ отзывается старое зло нанесенное моему несчастному дѣду.... Впрочемъ нерѣдко я задавался и тѣмъ вопросомъ: отчего поселился въ нашемъ углѣ, на нашу семейную бѣду, магнатъ князь .....скій, владѣлецъ девятнадцати тысячъ душъ крестьянъ, конечно имѣвшій въ другихъ своихъ имѣніяхъ гораздо лучшія господскія усадьбы чѣмъ была усадьба въ селѣ Маливѣ, имѣніи въ экономическомъ отношеніи довольно плохомъ и даже небольшомъ, такъ какъ въ самомъ селѣ и въ принадлежащихъ къ нему деревняхъ: Зарудне, Мостищахъ, Подосинкахъ и Половкѣ, за княжеское время врядъ ли было населенія и тысяча душъ? Тогда я догадывался на счетъ этого такъ: что можетъ-быть князю .....скому, въ чемъ-нибудь

провинившемуся предъ императрицей Екатериной Второй, велѣно было проживать именно въ Егорьевскомъ его имѣніи; и теперь такое предположеніе кажется мнѣ вѣроятнымъ тѣмъ болѣе что князь жилъ въ Маливѣ безвыѣздно.

Въ селѣ Маливѣ и въ вышеупомянутыхъ деревняхъ мало осталось воспоминаній о немъ. Тамошніе жители говорили мнѣ только что онъ былъ жестокъ, что у него всякая вина была виновата. Но вотъ что̀ очень странно: одна черта изъ его частной жизни, изъ его забавъ, черта совсѣмъ мелочная и казалось бы нисколько не сто́ящая вниманія, осталась-таки въ памяти народной, и про нее я слыхалъ отъ нѣсколькихъ Маливцевъ и крестьянъ деревни Зарудни: князь довольно часто игрывалъ въ „бабки“ со своими дворовыми и даже съ крестьянами. Конечно онъ дѣлалъ это не изъ желанія популярничать, а только для „моціону“; а между тѣмъ простая эта забава какъ-то сближала его съ народомъ, какъ бы приравнивала его на нѣкоторое время ко всякому простому человѣку; вотъ это-то и не ушло отъ простодушнаго наблюденія, осталось надолго въ памяти забывчиваго на зло нашего народа.

Въ нашемъ Михѣевѣ какъ-то больше помнили о князѣ ....скомъ. На это была существенная причина: дѣда моего, такъ много пострадавшаго отъ злаго сосѣда, очень любили и дворовые и крестьяне. Сожалѣніе ихъ о баринѣ было сильно, сильна была и ненависть ихъ къ князю... Впрочемъ съ наибольшею ненавистью вспоминалъ о послѣднемъ нашъ старый кучеръ Петръ Леонтьевъ. Отъ него я много, много слышалъ. Приведу одинъ его разказъ, замѣчательный въ бытовомъ отношеніи и потому что въ немъ есть темный намекъ на историческую личность.

Всѣ сколько-нибудь зависѣвшіе отъ князя .....скаго боялись его въ высшей степени. Боялся и священникъ села Маливы. Онъ во всемъ подчинялся княжеской волѣ, даже въ отправленіи церковной службы.

Князь посѣщалъ иногда свою сельскую церковь во время служенія литургіи. Но обыкновенно онъ вставалъ поздно. Поэтому строго-настрого приказывалось священнику чтобы въ воскресный день служба не начиналась раньше полудня. Къ обѣднѣ же князь нерѣдко жаловалъ по-домашнему въ халатѣ и въ туфляхъ; притомъ отправлялся всегда въ алтарь и прямо черезъ царскія двери.

И вотъ, какъ-то лѣтомъ, въ крестьянской телѣгѣ запряженной парой тощихъ лошадёнокъ, пріѣхалъ къ Маливскому священнику простой монахъ. Сказался онъ изъ какого-то дальняго монастыря, пріѣздъ же свой объяснилъ тѣмъ что у него есть дѣло къ князю .....скому, ко которому онъ и отправится къ нему тотчасъ послѣ обѣдни.

— А пора бы,—добавилъ монахъ: пора бы и благовѣстить.

— Нѣтъ, отвѣчалъ священникъ:—у насъ литургія завсегда поздно, случается что и послѣ полденъ служимъ.

— Для деревенскаго люда, возразилъ монахъ:—не должно бы поздно служить, а послѣ полудня и вовсе не полагается.

— У насъ свое правило, отозвался священникъ:—его сіятельство князь Александръ Александровичъ не дозволяетъ благовѣстить пока не проснется, а вставать изволитъ поздно.

Затѣмъ на разспросы монаха, священникъ мало-по-малу высказался про всѣ стѣсненія и обиды претерпѣваемыя имъ отъ магната-помѣщика, не скрылъ и того что чрезвычайно боится прогнѣвить чѣмъ-нибудь этого бѣшенаго человѣка.

Тогда монахъ открылъ свое званіе,—это былъ архіерей *—и приказалъ немедленно благовѣстить къ обѣднѣ.

Колокольный звонъ растревожилъ князя. Прогнѣвавшись чрезвычайно онъ тотчасъ отправился въ церковь и по обыкновенію своему въ халатѣ и въ туфляхъ.

Обѣдня уже шла. Діаконъ на амвонѣ возглашалъ моленія и прошенія. Князь мимо его прошелъ въ алтарь. Но не успѣлъ онъ еще обратиться съ попреками и угрозами къ священнику, какъ навстрѣчу ему изъ глубины алтаря выступилъ монахъ, на груди котораго изъ-подъ распахнувшейся рясы видны были архіерейская панагія и орденская звѣзда. Сказалъ ли что-нибудь архіерей князю .....скому, неизвѣстно; но дерзкій помѣщикъ былъ такъ пораженъ что тутъ же упалъ къ ногамъ такъ внезапно явившагося предъ нимъ монаха; не безъ труда его подняли и вывели изъ алтаря.

Послѣ этого происшествія, хоть можетъ-быть и не вслѣдствіе его, князь ....скій тяжко заболѣлъ и, затѣмъ, скоро умеръ.

---

* Петръ Леонтьевъ не могъ назвать мнѣ архіерея. Не былъ ли то знаменитый Платонъ? Такъ можно предполагать по орденской звѣздѣ архіерея. Тѣмъ же самымъ опредѣляется и время происшествія, то-есть конецъ царствованія императора Павла Перваго, при которомъ и архіереямъ стали раздавать ордена.

Большое село Дѣдново (три церкви, много постоялыхъ дворовъ, лавокъ, трактировъ; до десяти тысячъ жителей обоего пола), находящееся въ семи верстахъ отъ Михѣева, тоже интересно и даже по многимъ отношеніямъ. Оно имѣетъ важное значеніе для вседневной жизни нашего угла: десятки деревень Егорьевскаго уѣзда, особенно же вышеупомянутыя мною, въ немъ покупаютъ все что̀ имъ нужно и въ немъ же продаютъ свои сельскія произведенія и издѣлія своей мелкой промышленности, да больше и негдѣ купить и продать: въ этой мѣстности нашего уѣзда, на пространствѣ должно-быть до тридцати квадратныхъ верстъ, нигдѣ кромѣ Дѣднова нѣтъ ни еженедѣльныхъ базаровъ, ни большихъ годовыхъ ярмарокъ. Потомъ оно заслуживаетъ вниманія по промысламъ своихъ жителей, по умственному ихъ развитію, по многимъ чертамъ ихъ домашняго быта, сохранившаго, несмотря на отлучки каждаго Дѣдновца на чужую сторону, коренныя черты старинной русской жизни; по своимъ преданіямъ, документамъ и остаткамъ старины; а также по положенію своему при пресловутомъ ломѣщикѣ А. Д. Измайловѣ и по катастрофѣ разыгравшейся въ немъ предъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Наконецъ, и родовыя наши воспоминанія относятся во многомъ до села Дѣднова. Вотъ почему не могу миновать его и теперь, хотя говорилъ я уже о немъ довольно подробно въ бытовомъ очеркѣ: „Генералъ Измайловъ и его дворня“ *. Впрочемъ разкажу здѣсь о Дѣдновѣ мало, только то что̀ касается до семейныхъ нашихъ воспоминаній и до нѣкоторыхъ остатковъ старины.

Дѣдновскія и михѣевскія земли, именно луга, сходятся чрезчуръ близко, такъ что первыя изъ нихъ подходятъ почти подъ самыя окна цѣлой половины нашей деревни,—а это обстоятельство имѣло и имѣетъ большое вліяніе на сосѣдскія отношенія обоихъ селеній. Прежде, до генеральнаго размежеванія земель, то-есть до 1767 года, не такъ было **, и

* Напечатанъ въ четырехъ послѣднихъ книжкахъ сборника: *Древняя и Новая Россія*, за 1876 годъ.

** Въ „Исторіи моего дѣда“ разказано мною, какъ изъ владѣнія моего дѣда, по оплошности его матери и опекуньши, отошло довольно большое количество луговъ къ дядѣ Л. Д. Измайлова, дѣдновскому помѣщику.

конечно было гораздо лучше для взаимнаго спокойствія Михѣевцевъ и даже Дѣдновцевъ. А спокойствіе нарушалось нерѣдко. Михѣевцамъ нельзя было уберечься чтобы скотъ ихъ собственный и принимаемый ими на прокормъ не заходилъ иногда на дѣдновскіе луга, столь близко къ нимъ подходящіе. И вотъ, со стороны Дѣдновцевъ—большія претензіи на потравы да и постоянныя попытки отомстить за нихъ. Доходило тутъ и до разбора въ судахъ (всего чаще) и до кулачной расправы. Такъ, однажды, еще за время управленія моей бабки, Надежды Ивановны П—вой, случилось слѣдующее крупное происшествіе: какъ-то въ праздникъ и должно-быть большой, дѣдновскій бурмистръ съ толпою конныхъ Дѣдновцевъ явился на нашу границу, съ цѣлью захватить скотъ михѣевскій, какой только окажется на дѣдновскихъ лугахъ. Мало ли, много ли, а точно былъ тамъ скотъ нашихъ крестьянъ, и Дѣдновцы стали было отгонять его къ себѣ на село, что̀ и сдѣлали бы безпрепятственно, такъ какъ нашествіе произведено было невзначай для Михѣевцевъ, еслибы не случилась задержка. Дѣло въ томъ что появленіе Дѣдновцевъ прежде всѣхъ увидалъ прикащика бабки, человѣкъ смирный по характеру; догадавшись зачѣмъ они пріѣхали, онъ кинулся уговаривать бурмистра чтобы не отгонялъ скотъ, а тутъ же разобрался бы на счетъ потравы миролюбиво, по сосѣдски. Но бурмистръ, крѣпко подвыпившій, не внялъ этимъ уговариваніямъ, и мало того, вздумалъ тотчасъ же наказать михѣевскаго прикащика за плохое смотрѣніе надъ своими крестьянами. Бѣдняка разложили и стали сѣчь. А тѣмъ временемъ Михѣевцы, мужики и даже бабы, сбѣжались поголовно на защиту своего скота. Прикащика—Богъ имъ судья—они не выручили, а скотъ свой отбили, даромъ что были пѣшіе и гораздо въ меньшемъ числѣ чѣмъ Дѣдновцы, которыхъ понаѣхало больше сотни. Конечно, при этомъ произошла немалая свалка, въ которой наѣхавшимъ крѣпко досталось отъ михѣевскихъ кольевъ. Происшествіе вышло немаловажное, особенно же потому что прикащикъ сильно пострадалъ, даже до болѣзни. Бабка моя была крайне встревожена, да и разсержена дерзкимъ поступкомъ бурмистра. Но затѣвать тяжбу было не въ ея характерѣ: она рѣшилась обратиться къ суду дѣдновскаго ломѣщика, Л. Д. Измайлова,—и не ошиблась въ своемъ разчетѣ. Взбалмошный генералъ принялъ пріѣхавшаго къ нему съ жалобой отъ бабки моей, сына

ея Іосафа Николаевича П—ва, отлично, дѣло же разобралъ справедливо, хотя и очень круто: бурмистръ былъ смѣненъ, сынъ его отданъ въ солдаты, всѣ участвовавшіе въ наѣздѣ подверглись наказанію, а молодые изъ нихъ тоже отданы въ военную службу. Рѣшеніе дѣла собственно о потравѣ было даже удивительно по сдержанности Измайлова въ отношеніи своихъ владѣльческихъ правъ, ибо онъ зналъ досканально про нарушенія ихъ Михѣевцами, на что даже не разъ жаловался, какъ разказывалъ мнѣ нашъ Егорьевскій предводитель Ѳ. И. де-Медемъ. „Охъ, ужь эти мнѣ Михѣевскіе мои сосѣди, говаривалъ Измайловъ: настоящіе Англичане у меня подъ бокомъ; а вотъ, никакъ не могу ихъ унять“. Онъ очень могъ унять ихъ, но не хотѣлъ. Человѣкъ крайне произвольный, всячески избалованный, онъ однако не былъ лишенъ чувства чести: по всей вѣроятности онъ зналъ тоже какъ погубилъ князь .....скій моего дѣда и уже поэтому не рѣшался обезпокоить его вдову какимъ-нибудь своимъ наладеніемъ.

Когда сталъ завѣдывать Михѣевымъ мой отецъ, онъ нашелъ нужнымъ, въ видахъ сосѣдскаго спокойствія, устранить разомъ возможность потравъ дѣдновскихъ луговъ скотомъ михѣевскимъ, для чего провелъ вдоль всей нашей границы съ Измайловскими землями широкую и глубокую канаву. Но, со временемъ, ежегодныя половодья позатянули иломъ эту канаву, сдѣлали ее уже неглубокою, и потравы, грѣха таить нечего, опять начались, только уже въ незначительной степени, отнюдь не всѣмъ скотомъ михѣевскимъ. Дѣдновцы на это и не претендовали, по крайней мѣрѣ никогда не заводили ни тяжбъ, ни ссоръ. За то, можетъ-быть не безъ намѣренія отомстить потравщикамъ, дѣдновское вотчинное управленіе стало долускать часть гуртовъ на отаву какъ-разъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Михѣевымъ, и оттого скотъ нашихъ крестьянъ, черезъ три-четыре года, обыкновенно весь выладалъ. Такъ было за мое управленіе Михѣевымъ, и я тутъ ничего не могъ подѣлать. Не знаю какъ теперь; а врядъ ли устранилось это зло для Михѣева, зло истекающее изъ давнишней несправедливости сильнаго сосѣда.

Я любилъ бывало смотрѣть на главную изъ церквей дѣдновскихъ, стоящую на лѣвой сторонѣ Оки, гдѣ сосредоточено наибольшее населеніе села: по ея массивности, да и вообще по виду, она казалась мнѣ тогда чрезвычайно древнею. Въ дѣйствительности она должно-быть построена только

въ XVIIмъ столѣтіи. Иконостасъ ея, какъ говорили мнѣ, древній, но по близорукости моей я не могъ хорошо разобрать этого. Колокольня кажется древнѣе самой церкви. На ней часы со старымъ „московскимъ боемъ“, по которому счетъ времени идетъ отъ восхода солнца и до заката. Другая древность дѣдновская, можетъ-быть, уже не существуетъ въ настоящее время, и если это такъ, то объ этомъ нельзя не пожалѣть. Назадъ тому лѣтъ сорокъ, въ Дѣдновѣ бережно сохранялся старый *ботикъ*, который у мѣстнаго народонаселенія слылъ царскимъ корабликомъ, на которомъ будто-бы плавалъ Императоръ Петръ Великій; такихъ ботиковъ въ Россіи нѣсколько, и старѣйшинство между ними кажется еще не опредѣлено положительно; кто знаетъ, можетъ-быть, дѣдновское старое суденышко имѣетъ право на это старѣйшинство. Кстати: въ Зарайскомъ уѣздѣ есть и теперь помѣщики Брандты, ведущіе свой родъ отъ перваго кораблестроителя въ Россіи.

Я слышалъ что въ архивѣ Дѣдновской помѣщичьей конторы хранятся весьма важные старинные документы, касающіеся прежней, гражданской и экономической, жизни Дѣдновцевъ при Московскихъ царяхъ; но добраться до нихъ было весьма трудно, и я не добрался.

Дѣдновскія преданія о разбойникахъ, особенно же о самомъ знаменитомъ изъ нихъ, Веревкинѣ *, тоже очень интересны. Впрочемъ я не стану о нихъ говорить здѣсь, такъ какъ это отвлекло бы меня далеко отъ воспоминаній собственно о „родныхъ мѣстахъ“.

Изо всѣхъ прочихъ деревень нашего угла упомяну еще село *Горки*. Само-по-себѣ это небольшое помѣщичье селеніе,

* Веревкинъ былъ уроженецъ села Ловцовъ, лежащаго на лѣвой сторонѣ Оки, отъ Дѣднова верстахъ въ 10—12. *Ловцы*—большое село; жители его государственные крестьяне—люди промысловые на стать Дѣдновцамъ. Въ немъ, какъ и въ сосѣдственныхъ селахъ: *Любичи* (государственные же крестьяне изъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ“) и *Верхній* и *Нижній Бѣлоомуты* (бывшіе крѣпостные помѣщиковъ Теплова и Хомутова) тоже должны находиться древности и старинные, важные въ историческомъ отношеніи документы. И въ бытовомъ отношеніи замѣчательны эти селенія. Я видѣлъ ихъ только издали, всегда проѣзжая мимо по другой сторонѣ Оки.

расположенное на берегу болотистой рѣки Цны *, нисколько не замѣчательно. Но въ его деревянной, очень старой церкви есть большая рѣдкость, какъ говорилъ мнѣ бывшій помѣщикъ села Горокъ Ѳ. И. де-Медемъ, человѣкъ образованный и словамъ котораго можно было вполнѣ вѣрить. Древность эта—иконостасъ, на которомъ уже едва можно различать всѣ изображенія. По словамъ г. де-Медема, горецкій иконостасъ въ прежнее старое время, еще до великаго князя Ивана Васильевича Третьяго, украшалъ соборный храмъ Москвы; когда же знаменитый Аристотель Фіоравенти построилъ въ Москвѣ новый соборъ, то устроенъ былъ для него и новый иконостасъ, а старый перемѣщенъ былъ въ соборную церковь города Коломны; затѣмъ, по упраздненіи отдѣльной Коломенской епархіи, тотъ же самый иконостасъ, какъ пришедшій въ крайнюю ветхость, былъ перевезенъ будто бы въ село Горки, приходъ котораго былъ тогда весьма незначителенъ и бѣденъ. Любопытно было бы провѣрить это точнымъ изслѣдованіемъ. Со своей стороны, дѣлаю это указаніе въ томъ разчетѣ что можетъ-быть посодѣйствую такимъ образомъ къ открытію замѣчательной древности, которая, по всей вѣроятности, не такъ же повреждена временемъ чтобы нельзя было ея реставрировать.

Вслѣдъ за упомянутыми селеніями я долженъ сказать нѣсколько словъ (въ тѣхъ же видахъ—не поведутъ ли они къ подробнымъ изслѣдованіямъ) и о двухъ монастыряхъ, находящихся недалеко отъ нашего имѣнія. Во-первыхъ, о Радонежскомъ или Радовицкомъ, по мѣстному произношенію, монастырѣ. Онъ расположенъ въ лѣсистой и болотистой мѣстности Егорьевскаго уѣзда, на границѣ съ тою частью Рязанскаго уѣзда которая слыветъ подъ названіемъ „Мещоры“. Я не былъ въ немъ, но много разказовъ о немъ слышалъ. Это—монастырь древній, служившій передовымъ постомъ русской колонизаціи въ странѣ заселенной финскимъ племенемъ Мещорою, которое довольно долго сохраняло свою независимость. Мнѣ приходитъ на мысль что учрежденіе царства Касимовскаго въ мѣстности столь близкой къ поселеніямъ Мещоры обусловливалось политическими разчетами Московскаго правительства нестолько по отношенію къ цар

* Рѣка съ этимъ названіемъ, помнится, есть и въ Новгородской губерніи.

ству Казанскому, сколько ло отношенію къ дикому, свободолюбивому Мещорскому племени. Кстати, право жаль что наши изслѣдователи ло части исторіи какъ-то обходятъ историческія мѣста лежащія что̀ называется лодъ носомъ, а дѣйствуютъ поодаль отъ центра, то-есть Москвы, и все какъ-то въ разбивку. Я увѣренъ что Радонежскій монастырь, обширный, широко-занесенный еще въ старину, притомъ богатый вкладами отъ царей и отъ боярскихъ большихъ родовъ, а также и окрестныя селенія, съ̄ ихъ названіями, говоромъ народа, обычаями народными и преданіями, могли бы доставить весьма много интересныхъ матеріаловъ для исторіи и для этнографіи.

Очень памятенъ мнѣ и другой монастырь, болѣе къ намъ близкій чѣмъ Радонежскій, и куда мать моя, страшно тоскуя послѣ смерти моего отца, возила меня часто....

Это Голутвинъ монастырь, Коломенскаго уѣзда, основанный Сергіемъ Радонежскимъ. Мѣстность на которой онъ расположенъ прекрасная. Онъ стоитъ на луговомъ мысу, у самаго впаденія въ Оку Москвы-рѣки. Отсюда такъ хорошо представляются двѣ большія рѣки, широкія пространства луговъ, множество селеній на берегахъ двухъ рѣкъ и, наконецъ, большой городъ Коломна, съ полуразвалившимся кремлемъ, съ многочисленными церквами и нѣсколькими монастырями какъ въ самомъ городѣ, такъ и окрестностяхъ. Впрочемъ, уломиная здѣсь про Голутвинъ монастырь, я хочу только указать что и онъ съ его окрестностями представляетъ немаловажный интересъ для историческаго изслѣдованія: такъ мнѣ говорили что въ немъ есть документы никѣмъ (будто бы) еще нетронутые.

Мнѣ хотѣлось бы поразказать кое-что и о близкомъ къ нашему имѣнію городѣ Коломнѣ, въ которомъ я нерѣдко бывалъ, но это завело бы меня совсѣмъ въ сторону. Могу только пожалѣть здѣсь что нѣтъ отдѣльнаго изслѣдованія объ этомъ городѣ, издавна замѣтномъ въ историческомъ отношеніи (хоть бы напримѣръ потому что почти одновременно съ Москвой онъ былъ сильно укрѣпленъ, стало-быть положеніе его, какъ крѣпости, признавалось очень важнымъ, а также что у стѣнъ его обыкновенно собирались московскія рати для отраженія набѣговъ Крымскихъ Татаръ). Въ памяти мѣстнаго народонаселенія, по всей вѣроятности, сохраняются еще многія преданія о прежней исторической жизни Коломны

и ея окрестностей, въ которыхъ, кстати замѣчу, было много помѣстій самыхъ большихъ боярскихъ родовъ, помѣстій сильно пострадавшихъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ вмѣстѣ со своими опальными владѣльцами; да и мало ли было другихъ достопамятныхъ событій въ которыхъ бойкій здѣшній народъ участвовалъ и о которыхъ навѣрное сохраняетъ онъ живыя своеобразныя воспоминанія. Притомъ монастыри коломенскіе, приходскія церкви по огромнымъ селамъ, наконецъ архивы этого города должны заключать важные документы. Все это еще не разработано, даже не извлечено изъ подъ спуда. А конечно такія изслѣдованія были бы гораздо-гораздо полезнѣе всяческихъ корреспонденцій о мелкихъ дрязгахъ вседневной жизни нашихъ уѣздныхъ городовъ.

VI.

Города, какъ и всѣ живые человѣческіе организмы, должны имѣть каждый своеобразную физіономію, и это такъ законно обусловливается не только разницей топографическаго ихъ положенія, но и разницей жизни, отдѣльныхъ промысловъ, даже вседневныхъ занятій и всего общественнаго и умственнаго развитія ихъ горожанъ. Такъ это и вездѣ, но не у насъ. Въ нашемъ отечествѣ, города и великороссійскихъ губерній и даже сѣверо-западнаго края, хорошо мнѣ извѣстнаго, различествуя между собою по топографическимъ условіямъ, очень нерѣдко и во многомъ какъ-то походятъ одинъ на другой. Этотъ характеръ наружной формы и внутренняго содержанія такъ общеизвѣстенъ что нечего и распространяться о немъ даже въ поверхностномъ описаніи. Но были и есть исключенія. Въ числѣ такихъ исключительныхъ городовъ,—ихъ же вовсе не такъ много,—состоялъ и городъ Егорьевскъ до послѣдняго своего большаго пожара (кажется въ 1868 году), а особенно до постройки въ немъ огромныхъ бумагопрядильныхъ фабрикъ купцовъ Хлудовыхъ.

Въ обозначаемое мною время, городъ Егорьевскъ имѣлъ своеобразную физіономію, совершенно оригинальную между всѣми сосѣдними и не сосѣдними городами Рязанской, Московской и Владимірской губерній. А впрочемъ и теперь,—я видѣлъ его въ прошломъ году,—онъ тоже нѣсколько оригиналенъ, въ немъ все-таки остались кое-какіе слѣды

старинной своеобразности, хотя въ такой незначительной степени что и отмѣчать этого уже не стóитъ.

Перехожу прямо къ прежнему оригинальному виду Егорьевска и напередъ прошу моихъ читателей отнюдь не допускать предположенія что въ моемъ описаніи будетъ что-нибудь шутливое, а кольми-паче насмѣшливое; никогда не умѣлъ я шутить надъ явленіями нашей общественной жизни.

Весь городокъ состоялъ собственно изъ трехъ только улицъ и то неровныхъ: срединная, главная и лучшая, была гораздо длиннѣе двухъ остальныхъ и странно какъ-то выходила такимъ образомъ съ обоихъ своихъ концовъ прямо въ чистое поле. Затѣмъ, между этими тремя улицами было еще нѣсколько маленькихъ переулковъ. Наконецъ, три довольно просторныя площади пересѣкали главную улицу. Вотъ и весь тогдашній Егорьевскъ. Уже изъ этого видно что онъ былъ очень не великъ. Да такъ оно и подобало: вопервыхъ, потому что тогдашнее населеніе Егорьевска врядъ ли простиралось и до двухъ тысячъ душъ обоего пола, а вовторыхъ, потому что „конфирмованнымъ“ планомъ отведена была подъ городъ черезчуръ малая площадь,—что̀ и повело въ послѣдствіи къ большимъ затрудненіямъ даже можетъ-быть и къ пожарной катастрофѣ 1868 года, ибо съ сильнымъ увеличеніемъ постоянныхъ и временныхъ жителей въ городѣ съ тѣхъ поръ какъ завелись тутъ фабрики, Егорьевцы очень тѣсно стали строиться на своихъ дворовыхъ мѣстахъ, которыя вздорожали въ продажѣ чуть не до московскихъ цѣнъ. Въ настоящее время площадь города, должно-быть, распространена, такъ какъ онъ гораздо подался во всѣ стороны.

Бывало остановясь на любомъ перекресткѣ срединной главной улицы Егорьевска и оглянувшись кругомъ увидишь въ самомъ близкомъ отъ себя разстояніи поля окружающія городъ и лѣсъ замыкающій поля и близко подходящій отовсюду. И такъ это было хорошо: съ сѣроватымъ цвѣтомъ всѣхъ городскихъ построекъ сѣровато-желтыя поля и темно-зеленые хвойные лѣса чрезвычайно гармонировали.

Сѣроватый цвѣтъ егорьевскихъ построекъ зависѣлъ именно оттого что всѣ онѣ были деревянныя, за исключеніемъ только одного каменнаго пребезобразнаго кулеческаго дома, который, по правдѣ сказать, былъ тутъ совсѣмъ не кстати.

Дома егорьевскихъ коренныхъ жителей, купцовъ и мѣщанъ, по самой постройкѣ ихъ, имѣли весьма оригинальную

наружность. Они были не малы, большою частью не только о трехъ, но и о пяти, семи окнахъ (лѣсу въ окрестностяхъ города было изобильно и доставался онъ чрезвычайно дешево); притомъ всѣ они казались особенно массивными и неуклюжими именно потому что были неладно построены, или, лучше сказать, неладно сложены изъ весьма крупныхъ бревенъ. Да и вообще какъ-то мраченъ былъ видъ этихъ старинныхъ домовъ по причинѣ чрезъ мѣру малыхъ, не симметрично, чуть не подъ самою крышей, прорубленныхъ оконъ и слишкомъ высокихъ, съ низко-слущенными концами, крышъ, а также по причинѣ дворовъ съ темными навѣсами и съ воротами всегда, даже днемъ, затворенными. Мрачное впечатлѣніе производимое этими домами на всякаго посторонняго человѣка усиливалось и темносѣроватымъ колоритомъ, облекавшимъ все сверху до низу, и тѣмъ еще что вся довольно тѣсно скученная масса домовъ почти нигдѣ не разнообразилась, не оживлялась садами и огородами, ибо самая почва подъ городскимъ поселеніемъ, чрезвычайно песчаная и тощая, не дозволяла ихъ разводить.

Надъ многими воротами, а то надъ калитками, висѣли на подкладкѣ изъ бѣлой бумаги, литые мѣдные кресты осмиугольной формы. Признакъ характеристическій: дома съ такими крестами принадлежали истымъ, кореннымъ издавна старообрядцамъ.

Движенія на улицахъ и площадяхъ егорьевскихъ, движенія вездѣ въ городахъ хоть временно проявляющагося, почти вовсе не было даже и въ базарные дни (да и базары самые малые собирались только одинъ разъ въ недѣлю). Городъ былъ рѣшительно бѣденъ по части торговли и промышленности. Недаромъ въ немъ не было такъ-называемыхъ „рядовъ“, то-есть гостинаго двора. Немногія лавчонки на одной главной улицѣ помѣщались въ низкихъ, тѣсныхъ и темныхъ подвалахъ подъ вышеописанными домами, и всѣ онѣ, даже и тѣ что были украшены надъ входами полосками краснаго кумачу (признакъ продажи тутъ и „краснаго“ товара) походили на какія-то звѣриныя логова. Недаромъ тоже сложена была въ народѣ поговорка о Егорьевцахъ: „Кто ты таковъ?—Егорьевскій купечь.—Куда ѣдешь?—Въ стель.—Зачѣмъ?—Поборобраться (то-есть, побираться, нищенствовать)“.

Оно и понятно почему не было въ Егорьевскѣ торговли: городъ былъ въ сторонѣ отъ большихъ и малыхъ городовъ, отъ

всякихъ проѣзжихъ трактовъ. Притомъ онъ стоялъ въ самомъ углу своего уѣзда, протянувшагося отъ него широко и далеко. Окрестныя немногочисленныя и немноголюдныя селенія были совершенно бѣдны сельскими произведеніями. Помѣщиковъ было мало въ уѣздѣ, да и тѣ что̀ тутъ жили наѣзжали въ Егорьевскъ лишь по самонужнѣйшимъ дѣламъ, производившимся у нихъ въ тутошнихъ присутственныхъ мѣстахъ. Оттого собственно для случайно пріѣзжавшихъ по тяжебнымъ дѣламъ „просителей“ долго-долго были въ городѣ одинъ только трактиръ (купца Кира Шведова), да два постоялые двора. А аптека не заводилась здѣсь еще дольше, до тѣхъ поръ пока не пошли въ ходъ Хлудовскія фабрики.

Тогдашній Егорьевскъ, городокъ маленькій, весь деревянный, ничѣмъ не казистый, мрачный и бѣдный, сильно нравился мнѣ въ то время когда я сталъ взрослымъ человѣкомъ и видѣлъ всѣ города Рязанской губерніи, а также многіе другіе, когда умѣлъ уже сравнивать представляющіяся мнѣ явленія общественной жизни и подводить итоги подъ мои наблюденія. Всегда какъ-то *олицетворялъ* я Егорьевскъ, воображалъ его въ видѣ отдѣльнаго живаго существа. И то было не фантастическое представленіе: дѣйствительно, городокъ этотъ чрезвычайно совмѣщалъ въ себѣ всѣ родовыя черты Егорьевца, кореннаго жителя егорьевскихъ глухихъ темнохвѣтныхъ лѣсовъ. Я и теперь думаю что лучше и оригинальнѣе нельзя было выразить въ городѣ общій характеръ народонаселенія его уѣзда, какъ это было выражено всею тогдашнею физіономіей Егорьевска.

Егорьевскъ преобразованъ въ городъ изъ села Высокаго; изъ-за разбойничества скоро былъ закрытъ, но затѣмъ возстановленъ въ качествѣ города. Надо думать что въ упорно преслѣдуемомъ администраціей рѣшеніи преобразовать такимъ образомъ, возвеличить, что̀ называется, село Высокое участвовало не одно лишь соображеніе что оно было „экономическое“ селеніе, то-есть бывшее монастырское, но и воспоминаніе о томъ что оно принадлежало знаменитому роду бояръ Романовыхъ. Такъ говоритъ мѣстное преданіе и должнобыть оно вѣрно. Въ егорьевскомъ каменномъ соборѣ находится рѣзной изъ дерева образъ великомученика Георгія, пожертвованный, какъ мнѣ сказывали, Романовыми, и помнится самый гербъ этого города представляетъ то же изображеніе. Кромѣ того, въ Егорьевскѣ изстари чествуется Никитинъ день

(15го сентября), по всей вѣроятности, въ память о боярикѣ Никитѣ Юрьевичѣ Романовѣ, о томъ „Микитушкѣ Романовичѣ“ который такъ великолѣпно прославленъ въ одной изъ народныхъ былинъ о грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Кстати сказать, въ день 15го сентября, собирается каждогодно вокругъ стоящей за городомъ кладбищенской церкви во имя Св. Никиты мученика ярмарка, которая теперь довольно значительна по оборотамъ, но и прежде всегда бывало многолюдна по стекавшемуся сюда изо всего Егорьевскаго и даже изъ сосѣднихъ уѣздовъ народу.

Во время моего дѣтства въ городѣ Егорьевскѣ былъ одинъ только приходскій храмъ считавшійся и соборнымъ; впрочемъ подлѣ него стояла еще маленькая церковь, но какъ она такъ и кладбищенская не имѣли особыхъ приходовъ и причтовъ. Соборный храмъ о которомъ я заговорилъ—замѣчательное зданіе. Онъ деревянный и выстроенъ давно, назадъ тому слишкомъ сто шестьдесятъ лѣтъ, а все еще стоитъ прочно и въ немъ послѣ необходимыхъ поправокъ въ настоящее время производится богослуженіе, какъ я слышалъ о томъ при прошлогоднемъ посещеніи Егорьевска; онъ сложенъ изъ такихъ огромныхъ бревенъ какихъ уже давно не употребляютъ для самыхъ большихъ построекъ. Онъ и вообще массивенъ; массивность же эта особенно замѣтна какъ потому что онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, такъ и потому что всѣ прочія собственно городскія зданія, кромѣ новаго собора, кажутся и теперь сравнительно съ нимъ совершенно мизерными. Архитектура егорьевскаго деревяннаго собора походитъ очень на таковую же одной изъ московскихъ церквей находящейся на Покровкѣ, именно той кажется которая во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

Сожалѣю что иконостасъ вышеозначеннаго храма,—несомнѣнно очень древній и конечно замѣчательный,—совсѣмъ смутно мнѣ памятенъ, ибо я видѣлъ его еще въ дѣтствѣ моемъ, а затѣмъ послѣ постройки каменнаго собора, оконченный въ тридцатыхъ годахъ, богослуженіе въ деревянномъ уже долго не производилось, по крайней его ветхости, въ прошломъ же году я не былъ въ немъ потому что тамъ служатъ только въ большіе праздники.

Весьма замѣтное улучшеніе Егорьевска во всемъ наружномъ его видѣ главнѣйшимъ образомъ зависѣло отъ устройства въ немъ Хлудовскихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ,

привлекшихъ сюда много сторонняго народа и давшихъ мѣстнымъ жителямъ возможность подручно добывать деньги и работой отъ фабрикъ (собственно размоткой *на дому* такъ-называемыхъ „шлуль“) и продовольствіемъ фабричныхъ рабочихъ. Однако и прежде заведенія фабрикъ, еще въ тридцатыхъ годахъ, городъ этотъ уже пооживился; явились въ немъ новыя лавки, новые трактиры и постоялые дворы, усилилась ярмарка въ Никитинъ день, стали замѣтны кулцы-торговцы съ порядочными капитальцами. Отчего именно пооживился такъ городъ, доподлинно не знаю; правда, были какіе-то темные слухи на счетъ этого, да мало ли что говорятъ, и темныхъ слуховъ о прошлыхъ временахъ конечно не слѣдуетъ касаться.

А вотъ вліяніе фабрикъ, это иное дѣло. Онѣ дѣйствительно способствовали тому что Егорьевскъ сильно выросъ и процвѣлъ. Такъ и должно было произойти, особенно потому что вскорѣ за Хлудовскими фабриками появились тутъ и другія фабричныя заведенія, тоже привлекшія на работу много сторонняго народа. Теперь въ Егорьевскѣ болѣе двадцати тысячъ жителей (конечно считая и фабричныхъ рабочихъ). Теперь здѣсь, кажется, больше домовъ каменныхъ и много домовъ двухъэтажныхъ (нижній этажъ каменный, верхній деревянный, какъ любятъ строиться Егорьевцы), много тоже порядочно снабженныхъ разными товарами лавокъ, много трактировъ и даже гостиницъ; на улицахъ всегда, особенно же въ праздники, очень замѣтное движеніе, и расхаживаетъ и разѣзжаетъ разный людъ, довольно нарядный, а подъ часъ черезчуръ веселый. Ярмарка въ Никитинъ день, говорятъ, дошла до милліоннаго годоваго оборота, да и базары собираются многолюдные. Наконецъ для вящаго доказательства насколько усилилось теперешнее промышленное и торговое значеніе Егорьевска, соединила его съ Москвой желѣзная дорога (кстати сказать, преотвратительно построенная, на ней такъ трясетъ, какъ будто ѣдешь по обыкновенной ухабистой дорогѣ).

Все это хорошо, но есть и оборотная сторона у этого кажущагося благосостоянія, которую не слѣдуетъ скрывать. Вотъ напримѣръ, дороговизна въ Егорьевскѣ на всѣ необходимые предметы жизненнаго продовольствія, которые продаются по цѣнамъ московскимъ, несмотря на то что качества они плохаго. Вообще всякому небогатому человѣку не имѣющему

никакихъ отношеній къ мѣстнымъ фабрикамъ здѣсь очень тяжело жить. Притомъ и нравственность егорьевскихъ жителей, говорятъ, сильно пострадала. Оно и понятно: кабаковъ и трактировъ въ городѣ ужь черезчуръ много развелось.

Фабрики развили матеріальное благосостояніе Егорьевска очень скоро. Но не имъ же однѣмъ принадлежитъ эта заслуга. Тутъ много участвовалъ или лучше сказать направилъ вліяніе фабрикъ хорошимъ путемъ—мѣстный городской голова Хрисанфъ Гавриловичъ Кулаковъ *. Человѣкъ разумный, честный, истинно любившій своихъ согражданъ (онъ умеръ уже давно, потому я смѣло могу говорить о немъ), онъ старался энергически чтобы фабрики приносили дѣйствительную пользу городу: такъ онъ не допустилъ, разумѣется, при вліятельномъ содѣйствіи тогдашняго рязанскаго губернатора П. С. Кожина, чтобы фабриканты помѣщали своихъ рабочихъ въ прескверно устроенныхъ при фабрикахъ казармахъ и продовольствовали ихъ отъ себя въ счетъ жалованья

* Замѣчательна судьба этого человѣка, происхожденіемъ не егорьевскаго горожанина, а кажется казеннаго крестьянина какой-то деревни прилегающей къ Егорьевку. Круглый сирота на 7 или 8 году возраста онъ снискивалъ себѣ пропитаніе сборомъ въ городѣ мірскихъ лодаяній, въ то время производившихся обыкновенно натурою, то-есть кусками хлѣба. Но безпомощное сиротство, крайняя бѣдность, уличная жизнь не ожесточили, не испортили мальчика. Онъ былъ постоянно скроменъ, тихъ, а особенною чертой выказывалась въ немъ чрезвычайная набожность, конечно, совершенно искренняя,—въ такомъ возрастѣ еще не умѣютъ притворяться. И вотъ замѣтилъ его старый купецъ Кулаковъ, суровый раскольникъ, слывшій человѣкомъ богатымъ, а притомъ весьма скупымъ, даже не добрымъ. Онъ взялъ къ себѣ тихаго, набожнаго мальчика; когда же пріемышъ этотъ подросъ и добрыя качества его: смышленость, дѣловитость и сознательная благодарность благодѣтелю, обозначились вполнѣ,—старикъ, по соглашенію со своею женой, усыновилъ его. Хрисанфъ Гавриловичъ еще при жизни своего благодѣтеля принялъ его прозвище, а когда тотъ умеръ, скоро присоединился къ православію, что̀ сдѣлалъ не по честолюбнымъ разчетамъ, а по несомнѣнному убѣжденію. Онъ долгое время, по послѣдовательнымъ выборамъ состоялъ въ Егорьевскѣ городскимъ головой, несмотря на всѣ интриги противъ него... Состояніе его было довольно ограниченное, и это зависѣло какъ отъ положительной добросовѣстности его въ веденіи коммерческихъ дѣлъ, такъ и отъ нѣкоторыхъ весьма тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствъ.

всѣми приласами, ибо все это было въ ущербъ городскимъ домовладѣльцамъ и торговцамъ; такъ добился онъ послѣ долгихъ хлопотъ что и земля городская, опять потребовавшаяся фабрикантамъ для постройки новыхъ промышленныхъ заведеній, поступила въ аренду за цѣну дѣйствительно усилившую городскіе доходы и чрезъ то пооблегчившую горожанъ въ платежѣ разныхъ повинностей *; да и въ другихъ случаяхъ, уже меньше и только по слухамъ мнѣ извѣстныхъ, онъ не допускалъ эксплуатированія города фабриками. Мнѣ очень пріятно что довелось добромъ помянуть разумнаго и честнаго человѣка.

Ребенкомъ меня часто возили въ Егорьевскъ и даже по долгу я живалъ тамъ. Живо памятны мнѣ всѣ тогдашнія характеристическія черты Егорьевска. Я какъ-то любилъ въ немъ и то что бывало отовсюду виденъ лѣсъ, напоминавшій столь любезный мнѣ Малиевскій боръ, и то что на улицахъ такъ просторно. Не пугали нисколько и суровыя, мрачныя физіономіи Егорьевцевъ, я привыкъ къ нимъ съ самаго

* Егорьевскіе фабриканты пріобрѣли подъ постройку своихъ фабрикъ первоначально шесть десятинъ городской земли за малую плату въ доходъ города (кажется по шести рублей за десятину). Городъ согласился на такую дешевую отдачу своей земли собственно потому что разчитывалъ на большія выгоды отъ фабрикъ для всѣхъ жителей. Но послѣдствія не оправдали этихъ разчетовъ. Поэтому, когда пошли переговоры о новой отдачѣ земли, городъ назначилъ уже гораздо высшую арендную плату. Фабриканты очень разобидѣлись, заупрямились крѣпко въ согласіи на аренду, и за упрямство сильно потерпѣли. Надо сказать что фабриканты предполагали выстроить, по плану выписанному изъ Англіи, огромную льнопрядильню въ три этажа, причемъ для складочныхъ на лень магазиновъ приходилось построить особое зданіе; для послѣдняго-то и недоставало мѣста. Тогда рѣшились возвести льнопрядильню въ четыре этажа, съ назначеніемъ нижняго подъ складочные магазины. Но какъ всѣ размѣры льнопрядильни были разчитаны на планѣ съ математическою точностью, то стѣны опредѣленной для трехъэтажнаго зданія толщины не выдержали надстройки четвертаго этажа и рухнули. Убытокъ отъ этого былъ тѣмъ значительнѣе что и все дѣло пріостановилось на полтора года, а для него уже выписаны были машины цѣнностью, какъ я слышалъ, на 250 тысячъ. Къ счастью еще что во время разрушенія зданія не приключилось никакихъ бѣдствій съ многочисленными рабочими,— въ тотъ день, 14го сентября, былъ большой праздникъ.

малаго возраста. Но особенно я любилъ кладбище вокругъ церкви Никиты-мученика, оно очень хорошо было засажено деревьями, въ тѣни которыхъ росла высокая трава, и тамъ я находилъ много цвѣтовъ, простыхъ, но въ Егорьевскѣ вообще рѣдкихъ.

На моихъ глазахъ городъ сталъ оживляться, а съ устройствомъ фабрикъ—расти и богатѣть. Тогда я уже былъ взрослымъ человѣкомъ. Всѣ перемѣны въ положеніи столь знакомаго мнѣ городка не ускользали отъ моего наблюденія. Онѣ интересовали меня много, въ нихъ я находилъ постоянно основаніе для сравненій и выводовъ,—и тѣмъ легче находилъ что мнѣ нерѣдко ломогали тутъ два человѣка, которыхъ я очень уважалъ.

Одинъ изъ нихъ егорьевскій предводитель дворянства, довольно крупный ломѣщикъ и бывшій товарищъ моего отца по военной службѣ, Василій Васильевичъ Рославлевъ, лодъ старость, вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, часто проживалъ въ Егорьевскѣ, и тутъ отъ скуки егорьевской жизни, а можетъ и желая заглушить въ себѣ кое-что, онъ, человѣкъ умный, просвѣщенный, старый, „гнулъ коробочки“, то-есть игралъ въ банкъ, все лонтировалъ, почти всегда проигрывая, да изрѣдка разговаривалъ оригинально обсуживая многое. Другой былъ вышеуломянутый Х. Г. Кулаковъ.

Оба они были недовольны (хотя не въ одинаковой степени, не въ одинаковомъ смыслѣ) перемѣнами въ экономическомъ положеніи Егорьевска. Хорошо ломню какъ смотрѣли они на эти перемѣны.

Хрисанфъ Гавриловичъ выражалъ свое недовольство просто, подходя прямо къ главнѣйшему предмету своихъ разсужденій—къ интересамъ города Егорьевска. Онъ находилъ что „набольшіе“ фабриканты ужь черезчуръ богатѣютъ, изъ городскихъ же обывателей разживаются тѣ лишь лица которыя имѣютъ съ фабриками какія-либо „интересныя“ отношенія, впрочемъ отношенія нелегкія, ставящія этихъ лицъ въ полнѣйшую зависимость отъ набольшихъ фабрикантовъ. А между тѣмъ, самый городъ имѣетъ слишкомъ мало пользы отъ этихъ фабричныхъ заведеній, много стѣснившихъ его жизнь чрезъ дороговизну всякихъ жизненныхъ приласовъ, чрезъ порчу наконецъ воды въ городѣ (дѣйствительно рѣка Гуслянка черезъ него протекающая загажена чрезвычайно Хлудовскими бумагопрядильнями). Затѣмъ, по

мнѣнію хлопотливаго городскаго головы, все это должно быть исправлено вмѣшательствомъ начальства, строжайшими съ его стороны запрещеніями фабрикантамъ стѣснять въ чемъ бы то ни было городъ. Тогда внесенныя въ городскую жизнь перемѣны—и это перемѣны слишкомъ шумное движеніе на улицахъ, и этотъ праздничный разгулъ фабричныхъ, тѣснота городскихъ построекъ отъ чрезмѣрно усилившагося населенія, наконецъ, и дороговизна, и порча воды, и неспокойство жизни, — все было бы уже не досадно, такъ какъ совмѣстилось бы съ развитіемъ общаго, довольно-*ровнаго* благосостоянія всѣхъ горожанъ....

Но В. В. Рославлевъ думалъ о томъ же на иную стать: по его мнѣнію, не будетъ пользы если даже и весь городъ разбогатѣетъ отъ укоренившагося въ немъ фабричнаго труда, ибо съ укорененіемъ его произойдетъ существенный вредъ для всего мѣстнаго деревенскаго народонаселенія: во-первыхъ, оно нетолько не разбогатѣетъ, но очень обѣднѣетъ, по той причинѣ что слишкомъ освоится съ пустою дрянною роскошью; во-вторыхъ, нравственный его характеръ, отличавшійся особенною твердостью и воздержностью, совершенно ослабѣетъ, распустится; въ-третьихъ наконецъ, ослабѣютъ и его физическія силы для земледѣльческаго труда, столь необходимаго вездѣ въ Россіи, какъ главное жизненное занятіе народа, — труда, къ которому здѣсь надо же будетъ опять обратиться, какъ только фабрики, ложравъ все толково въ уѣздѣ, прекратятъ свое существованіе въ немъ. „И что толку, прибавлялъ онъ: что толку въ этихъ филатурахъ, вотъ хоть бы и потому что на нихъ выпрядается хлопокъ выписываемый изъ Англіи, или прямо изъ Америки? Да наконецъ чтобы могли фабрики приносить пользу общенародную даже тамъ гдѣ заведеніе ихъ необходимо, надо бы кажется устроивать ихъ вовсе не такъ какъ онѣ теперь устраиваются“.... Имѣлъ ли онъ какое-либо опредѣленное мнѣніе на счетъ *особаго* устройства фабрикъ, право не знаю, даже полунамеками онъ объ этомъ не высказывался....

Теперь я вижу что почтенный ломѣщикъ былъ кое въ чемъ совершенно правъ, хотя хлопокъ для бумагопрядиленъ мы можемъ доставать уже не изъ Англіи и Америки. Вотъ напримѣръ, въ прошломъ году лѣтомъ, проѣхавъ на лошадяхъ верстъ пятьдесятъ по Егорьевскому уѣзду, я вездѣ видѣлъ уже малые кустар-

ники вмѣсто лѣсовъ и бѣдность почвы выказывалась тутъ какъ-то особенно рѣзко, гораздо рѣзче чѣмъ прежде. Съ другой стороны, меня поразило и то что во многихъ небольшихъ деревушкахъ, черезъ которыя я проѣзжалъ, поразвелись трактиры на манеръ городскихъ, съ вывѣсками, съ какими-то надписями, съ шумливымъ народомъ гуляющимъ въ нихъ,—трактиры, которымъ ни почему не подобало бы здѣсь быть, такъ какъ въ деревушкахъ этихъ нѣтъ ни базаровъ, ни ярмарокъ ни торговыхъ и промышленныхъ заведеній, а притомъ и обозы тутъ не проходятъ; значитъ трактиры, не замѣнившіе кабаковъ, которые остались сами-по-себѣ, а дополнившіе число увеселительныхъ мѣстъ, существуютъ только для мѣстнаго населенія. Такъ отразилось въ Егорьевскомъ уѣздѣ, на бытѣ простаго народа, живущаго въ малыхъ и повидимому весьма бѣдныхъ деревняхъ, широкое развитіе фабричнаго труда въ Егорьевскѣ, въ этомъ городѣ начинающемъ слыть русскимъ Манчестеромъ....

VII.

Отрадно всякому вспоминать свои родныя мѣста,—поэтому собственно и пишу о нихъ.

Да и какъ было не любить ихъ! Свѣтлая рѣчка быстро бѣгущая по бѣлопесчаному дну; зеленые луга далеко-широко раскинувшіеся; темный Маливскій боръ; двѣ бѣлокаменныя церкви, обѣ явственно отъ насъ видныя; вся наша деревушка хорошо обстроенная, съ длинными усадьбами, съ хмѣльниками на нихъ; въ виду пять деревень тоже хорошо выстроенныхъ: все это представляло простую, но истинно-стройную и прекрасную картину. Тутъ привольно, спокойно, хорошо было жить.

А время весенняго половодья, съ широкимъ разливомъ водъ, а время уборки луговъ, этой бодрой веселой нарядно-праздничной работы, о, какъ оживлялись тогда мои родныя мѣста!

Но не мрачны были эти мѣста и осенью, даже въ позднюю осень. Сквозь густые туманы, стоявшіе надъ нашею равниной въ продолженіе всего пасмурнаго утра, при частыхъ мелкихъ дождяхъ, что̀ сѣютъ да сѣютъ бывало чуть не во весь день, ярко просвѣчивали вездѣ кругомъ насъ зелень озимыхъ полей, зелень близко лежащихъ луговъ, тускло-свѣт-

лыя полосы захолодавшихъ рѣчки и пруда, и всей окрестности придавали оживленный видъ. А на деревнѣ почти всегда въ то время веселье: деревенскіе парни женились, деревенскія дѣвушки выдавались на сторону, радостное движеніе всѣхъ этихъ свадьбъ близко доходило до нашей усадьбы. Да и зимой не скучно, а хорошо было: вотъ, напримѣръ, нашъ ближайшій сосѣдъ П. Я. Змѣевъ часто ѣздилъ на сосѣднія Дѣдновскія озера къ рыбакамъ и всегда бралъ меня съ собой: я очень любилъ эти поѣздки. А на святкахъ какъ бывало весело, но о томъ я разкажу можетъ-быть послѣ. Только метели разыгрывавшіяся обыкновенно съ конца января и во весь февраль, заносившія нашу на отлетѣ усадьбу огромными сугробами, омрачали зимнее наше житье, но и тогда предстояло для меня удовольствіе: послѣ каждой снѣжной бури, вокругъ разныхъ надворныхъ построекъ, вокругъ садовой изгороди, было столько горъ, холмовъ, переходовъ и перелазовъ и такъ завлекательно для меня было бродить тутъ по *насту*.

Когда же переселились мы на постоянное житье въ Рязань, съ какимъ нетерпѣніемъ спѣшилъ я въ Михѣево, хоть на самое короткое время! Но особенно усиливалось это нетерпѣніе какъ только я взбирался на Перевицкую гору *.

Съ Перевицкой горы, находящейся отъ Михѣева верстахъ въ двадцати ляти, оно не видно, за то уже хорошо видно сосѣднее намъ Дѣдново. По извилинамъ, крутизнамъ, промоинамъ горы трудно всегда спускаться, надо было ѣхать очень осторожно, стало-быть медленно, а меня такъ и тянуло, такъ и подмывало въ широкую луговую равнину, по которой приходилось пробираться въ наше имѣніе; даже и виды съ Перевицкой горы не соблазняли меня заглядѣться на нихъ и изъ-за того помедлить тутъ хоть съ полчаса.

А виды восхитительные, чудные.

Справа, Ока, сначала проходящая подъ крутымъ обрывомъ горы, а потомъ излучисто выбирающаяся на ширь луговой равнины, и на Окѣ множество барокъ; неподалеку отъ обрыва горы на другомъ берегу Оки, два большія рядомъ стоящія села: Верхній и Нижній Бѣлоомуты; дальше на томъ же бе-

* Маленькое селеніе Зарайскаго уѣзда, стоящее на мѣстѣ бывшаго города *Перевитеска*, который, по преданію, весь перевезенъ, во времена Петра I, въ городъ Свіяжскъ.

регу и такія же большія села, Ловцы, Любичи, Борки и наконецъ Дѣдново; прямо лодъ горой у въѣзда на луга, рытвины, промоины, озерки отъ половодья, и промежъ нихъ бывало всегда цыганскіе таборы; съ лѣвой стороны, рядъ холмовъ, со многими небольшими деревнями.

На зеленомъ-зеленомъ фонѣ этой картины какъ хорошо обозначались бѣлокаменныя церкви, съ ихъ ярко блещущими куполами и крестами, и ново-выстроенные дома въ селахъ; затѣмъ ярко же блещущія полосы большой рѣки, по которой плывутъ-тянутся неуклюжія барки, и даже темныя колошащіяся въ рѣкѣ на отмеляхъ и по откосамъ бичевниковъ партіи коноводовъ; и даже грязно-сѣрыя рваныя палатки цыганскія, съ вертящимися промежъ нихъ черноголовыми Цыганятами! И все это было облито свѣтомъ, мягко льющимся изъ лодъ легкаго тумана съ рѣки и луговъ, и все это такъ просторно, оживленно, такъ хорошо.

О! я помню эти прекрасныя картины, какъ помню и самое гнѣздо моихъ родныхъ мѣстъ. Онѣ отрадно успокоивали мнѣ душу видомъ своимъ, часто оживавшемъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Такъ желается чтобъ ожили онѣ въ памяти моей и въ тѣ минуты когда буду разставаться съ тяжкою жизнью.

С. СЛАВУТИНСКІЙ.